

Образъ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, какъ учителя.

I. Реальный проповѣдникъ, желающій свято исполнить высочайшій долгъ пастырскаго учительства, находитъ для себя много побужденій обращаться мыслію къ дѣятельности великихъ представителей церковнаго учительства и изучать оставленные ими памятники сильнаго и вѣдательнаго слова. Эти памятники даютъ ему наглядные уроки и образцы для плодотворнаго дѣйствованія въ своей сферѣ, и часто, въ особенности въ минуты безпокойства о безсиліи проповѣднаго слова, служатъ ободреніемъ и укрѣпленіемъ ослабѣвающей ревности въ исполненіи святаго дѣла. Но если поучительная исторія обыкновенныхъ проповѣдниковъ слова Божія, если и въ ихъ дѣятельности и писаніяхъ есть много ободряющаго и наставляющаго, то гѣмъ съ большимъ вниманіемъ и надеждою дѣятелю церковнаго слова должно обращаться къ божественному учительству Господа и Спасителя нашего, Начальника всѣхъ проповѣдниковъ слова Божія, хотя не достигаемаго для насъ въ своей высотѣ, но оставившаго намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, и желавшаго, чтобы всѣ служители Церкви были такими же, каковы былъ Онъ въ своемъ служеніи. Здѣсь, въ словѣ и дѣятельности божественнаго Учителя, верховнаго Начальника и Основателя Церкви, высочайшій образецъ, къ которому должны приближаться и кото-

рымъ должны повѣряться слово и дѣятельность всѣхъ, призванныхъ къ церковному учительству; здѣсь высшая сила, которая можетъ поддержать и укрѣпить слабыя силы обыкновеннаго учителя при исполненіи имъ своего долга; здѣсь, въ чистѣйшемъ, совершенномъ и необъятно-широкомъ проявленіи учительской силы, не только источникъ истины въ ея содержаніи, но и наставительное руководство въ способѣ раскрытія и сообщенія этой истины народу, побазывающее, какъ нужно вести дѣло Божіе, дѣло церковно-общественнаго назиданія, для усиленнаго достиженія его цѣлей. Потому учителю Церкви, ищущему образцовъ своего служенія, нельзя обойти своимъ вниманіемъ высочайшаго Учителя Церкви и всего міра, напротивъ съ Него онъ долженъ начинать свое самообразование въ проповѣдника вѣры по живымъ историческимъ образцамъ и примѣрамъ. Если мы можемъ думать о полной исторіи проповѣдничества, то намъ кажется, что первымъ исходнымъ пунктомъ ея мы должны поставить обзорѣніе учительской практики Перво-основателя христіанской проповѣди, посланнаго апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и ихъ преемниковъ, проповѣдывать Евангеліе всей твари. Къ этой практикѣ, въ видахъ собственнаго наученія, принимали самые замѣчательные служители церковнаго слова. На основаніи ея иные пытались составить евангельскую гомилетику, извлекающую всѣ правила касательно проповѣдничества изъ наставленій и живаго образца божественнаго Учителя.

Служеніе Господа Іисуса Христа роду человѣческому было самое разнообразное; оно въ нашихъ догматикахъ сводится къ тремъ видамъ: учительскому, царскому и первосвященническому. Учительное служеніе, между этими родами служенія Спасителя, не занимаетъ подчиненнаго мѣста, а является на болѣе видномъ планѣ. Для своихъ современниковъ Господь Іисусъ Христосъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ

общественнымъ учителемъ, и Его не одни ученики, но и весь народъ называлъ именемъ *Равви* или *Раввунн*, означающимъ учителя. Его ходатайственное, посредническое служеніе больше поставляетъ Его предъ судомъ правды Божіей, чѣмъ предъ нашею слабостію. Для насъ, для нашего глаза Онъ первѣе всего Учитель. На это указываетъ самъ Спаситель, когда опредѣляетъ свою существенную дѣятельность. *Азъ есмь истина* (говоритъ Онъ), *и на сіе родихся, да свидѣтельствую истину.* (Іоан. XVIII, 37). Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ своего общественнаго служенія, Онъ постоянно бесѣдовалъ съ народомъ, постоянно училъ его тайнамъ царствія Божія, и при этомъ не разъ указывалъ на то, что Онъ пришелъ для этого ученія, для постоянной проповѣди народу. Такъ, когда Онъ училъ на сонмищѣ въ Капернаумѣ, и народъ удерживалъ Его, чтобы Онъ не отходилъ отъ него, Спаситель сказалъ, что *и другимъ градовамъ благовѣстивши Ми подобаетъ царствіе Божіе: яко на се посланъ есмь* (Лук. IV, 43). *Идемъ въ ближнія веси и грады* (говорилъ Онъ ученикамъ своимъ), *да и тамо проповѣмъ: на сіе бо въздохъ* (Марк. I, 38). Новое благодатное царство устроилъ на землѣ принедешии съ неба Спаситель нашъ, и средствомъ устроенія этого царства было слово ученія и убѣжденія. Новое царство Божіе, устроенное Спасителемъ, не состояло во внѣшнихъ учрежденіяхъ; оно было не отъ міра сего, и основывалось и утверждалось въ умахъ и сердцахъ людей, принимавшихъ слово Божіе. Царству духа чужды были всѣ внѣшнія насильственные средства покоренія людей; *вси пріемшии ножъ, говорилъ Спаситель, ножемъ погибнутъ* (Матѣ. XXVI, 52). Господь, устранявшій всякое видимое господствованіе надъ людьми, подчинялъ Себѣ сердца людей самымъ духовнѣйшимъ оружіемъ, направленнымъ прямо къ свободѣ и внутреннему челоуѣку,—именно своему всеильною, но никого не насилующею проповѣдію. Эта про-

побѣда клала въ почву человѣчества сѣмена новыхъ началъ жизни, и создавала новый родъ, людей обновленія, которые внутреннимъ образомъ подчиняли себя всѣмъ требованіямъ новаго царства, не нарушая внѣшнихъ учрежденій, обставляющихъ ихъ общественную жизнь. Это подчиненіе себя людей силою убѣжденія—подчиненіе самое глубокое и твердое, побѣда, не сопровождаемая громомъ и потрясеніями, но по своимъ плодамъ и слѣдствіямъ болѣе важная, чѣмъ всѣ громы и громкія побѣды. Враги, съ которыми долженъ былъ бороться Основатель новаго царства на землѣ, были не плотской природы: эти враги были невѣріе и суетвѣріе, разные виды заблужденія, разные степенни нравственнаго растлѣнія. Порабощенное имъ человѣчество Спаситель велъ отъ рабства къ свободѣ словомъ и ученіемъ, и этимъ путемъ указалъ идти всѣмъ своимъ послѣдователямъ. На этомъ словѣ и ученіи опирается сила христіанства, и имъ она распространяется. Отъ перваго явленія божественнаго Учителя и до нашихъ временъ тянется длинный рядъ освященныхъ и избранныхъ учителей церкви, и въ ихъ ученіи раскрывается непрерываемая основа чистаго сознанія и чистой жизни. Не разъ, при основаніи своей церкви словомъ истины, Спаситель творилъ чудеса и ими подтверждалъ божественную истину своего слова и ученія. Но чудеса были временныя, а не постоянныя выраженія насаждающей силы христіанства: ими Господь дѣйствовалъ на чувственные сердца, пролагая путь къ нимъ неяснымъ для нихъ тайнамъ царствія небеснаго. Чудеса были какъ бы внѣшнимъ нагляднымъ доказательствомъ того, что не понятно было для загрубѣлаго духа въ своей непосредственной чистотѣ и святости, и имѣли значеніе сильныхъ призываній или поужденій къ слушанію божественнаго слова и къ вступленію въ святилище истины. При нихъ и послѣ нихъ, для созданія и утвержденія новыхъ убѣжденій, для взорененія новыхъ началъ

и правилъ жизни, пужно было разъясляющее учительное слово, и оно, его святое содержаніе было тѣмъ сокровищемъ, къ которому вели и на которое указывали знаменія земли и неба, творимыя чудодѣйственною рукою Божіею. Потому даръ чудесъ Господь только изрѣдва и немногимъ сообщалъ въ теченіи многолѣтней жизни церкви, а ученіе, проповѣдь Онъ поставилъ обязанностію для всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, повелѣвши апостоламъ и ихъ преемникамъ идти въ міръ весь и проповѣдывать Евангеліе всей твари.

II. Начертать образъ великаго Учителя Господа Иисуса Христа чрезвычайно трудно,—трудно потому, что въ Его ученіи, способѣ его раскрытія и сообщенія нѣтъ ничего исключительнаго и частнаго. У Него не было какого нибудь опредѣленнаго направленія, по которому бы Онъ стоялъ въ параллели съ другими дѣятелями слова и ученія. Въ Немъ вы видите полноту человѣческаго выраженія, совмѣщеніе всего, что только можетъ носить человѣкъ-учитель. Когда судятъ о другихъ обыкновенныхъ дѣтеляхъ слова, въ нихъ замѣчаютъ или высоту созерцанія, какъ преобладающую отличительную черту, или глубину мысли, или ясность и свѣтлость сужденій, или сильное воображеніе, или пылкое чувство, или мастерское изложеніе, замѣчаютъ ошибки, большую или меньшую степень приближенія къ идеалу, въ одномъ находятъ строгость ученія и энергію мысли и слова, въ другомъ мягкость любви и нѣжность пастырскаго назиданія, и многое тому подобное. Здѣсь, въ лицѣ и дѣятельности божественнаго Учителя, полное всеобъемлющее совершенство,—беспрѣдѣльное море, въ которомъ слиты всѣ отдѣльныя человѣческія совершенства, всѣ достойныя опредѣленныя направленія. Ручьи и рѣки, даже самыя большія, теряютъ свою характерную опредѣленность и все частное разнообразіе своего вида и теченія, когда вливаются

въ океанъ. Океанъ представляетъ пазъ себя необъятную цѣлость, и намъ, привыкшимъ къ мелкимъ характернымъ явленіямъ, трудно уловить существеннѣйшія черты необъятнаго предмета: нашъ взоръ теряется въ видимомъ какъ бы безразличіи слившихся частностей и не можетъ вдругъ скоро и легко оцѣнить единое, поглотившее собою многое, и побѣждающее всякія тѣсныя очертанія. Тутъ все есть, чего вы ни пожелаете отъ учителя. Глубина мысли, высота созерцаній соединяется съ самою высшею ясностію и простотою: въ устахъ Господа Іисуса Христа великая мысль дѣлается понятною людямъ малымъ и исученымъ. Повидимому, слышится неизысканная обыкновенная рѣчь; но подъ покровомъ этой рѣчи открывается такая высокая истина, какую не могли овладѣть самыя избранныя умы въ теченіе многихъ трудовыхъ вѣковъ: небесное величіе является въ прозрачныхъ формахъ, доступныхъ для человѣческаго созерцанія. Въ ученіи Спасителя проповѣдуется нравственность самая святая и строгая; но при этой строгости нѣтъ ничего суроваго, подавляющаго человѣчскія силы и устрашающаго человѣческое сердце; при божественной святости полная человѣчность проповѣдусмой заповѣди, вызывающая человѣка на указанный ему и доступный ему нравственный подвигъ. Въ рѣчи и мысли полное царственное самообладаніе, присутствіе духа, не знавшаго никакихъ замѣшательствъ, никакихъ колебаній, и въ то же время гибкость, по которой сильный и твердый духъ умѣлъ подчиняться обстоятельствамъ и разумнѣю людей, въ видахъ приближенія къ нимъ истины, безъ малѣйшаго нарушенія ея цѣлости и чистоты. Если вы любите и цѣните логическую силу мысли, вы найдете здѣсь силлогистику, побѣдоносно и безъ всякаго напряженія отражавшую все нападенія и все извороты изысканныхъ злоумысленій,—и ничего школьнаго, ни малѣйшей тѣни педантизма. Доброта, свисходительность, мягкость слова

и вмѣстѣ съ этимъ ревность по славѣ Божіей и строгость обличенія переливаются между собою и даютъ полный гармоническій аккордъ теченію божественной рѣчи. Съ книжниками и фарисеями, съ пародами, съ учениками божественный Учитель всегда равно недостижимо высокъ, равно простъ, всегда привлекателенъ, всегда силенъ. Онъ какъ будто неученый, а между тѣмъ владѣетъ знаніемъ природы, людей и писаній лучше всѣхъ книжниковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Много было ораторовъ и учителей въ мірѣ, но каждый изъ нихъ осуществляетъ и выражаетъ собою одну какую либо черту или идею. Въ ветхозавѣтной церкви чтислись по преимуществу два великіе пророка,—строгий, неумолимый ревнитель славы Божіей Илія и мягкій, полный нѣжной любви и меланхолической Иеремія. Но если мы соединимъ ихъ вмѣстѣ, если прибавимъ къ ихъ чертамъ черты другихъ пророковъ и дѣятелей слова, мы не получимъ еще полного образа, какой составляетъ изъ разнообразнаго проявленія учительской дѣятельности Господа и Спасителя нашего.

Когда мы судимъ объ этой учительной дѣятельности Господа Иисуса Христа съ гомилетической точки зрѣнія, мы должны обращать вниманіе не на божественное посланничество Его и чрезвычайное служеніе, даже не на необычайное величіе духовной силы, какое проявляетъ Онъ въ своемъ словѣ и какое отличало Его отъ всѣхъ людей. Съ благоговѣніемъ поклоняясь недостижимому величію славы и силы Божіей, мы должны выискивать въ чертахъ этого величія то, что можетъ быть вѣздательно и поучительно для насъ, что приложимо къ нашей практикѣ. Человѣческихъ средствъ наученія и убѣжденія не отвергалъ тотъ, кто повелѣвалъ стихіями, когда обращался къ свободному разумѣнію человѣка; напротивъ Онъ избиралъ обыкновенные пути, прилагалъ къ дѣлу обычные средства и приемы, когда звалъ людей въ свое новое благодатное царство.

Обыкновеннаго наблюдателя въ образѣ ученія нашего Спасителя прежде всего поражаетъ отсутствіе предначертанной системы, отсутствіе принятой регулы въ употребленіи формъ выраженія. Ученіе Господа Іисуса Христа незамѣтно является предъ людьми на почвѣ свободнаго, открытаго, общественаго слова, и на этой почвѣ развивается безъ тѣхъ видимыхъ напряженій, какія дѣлаетъ человѣкъ школы или системы, старающійся проводить въ жизнь свои начала и воззрѣнія. Напряженіе—натуга силы, какъ-бы неуверенной въ себѣ, изысканное собираніе всѣхъ средствъ, находящихся въ ея владѣніи, для произведенія нужнаго дѣйствія; но всемогущій духъ Богочеловѣка легко совершалъ то, что надламывало силы человѣческія. Всякая система была бы стѣпениемъ для той полной истины, которую Онъ хотѣлъ вложить въ человечество, и которую Онъ поручилъ раскрывать и усвоить послѣдующимъ родамъ и поколѣніямъ. Школьныя регулы, ученые формулы не гармонировали съ Его общественнымъ, свободнымъ, народнымъ направлениемъ. Слово Спасителя, по Его собственному опредѣленію, было духъ и жизнь, которыхъ нельзя заключить въ тѣсныя рамки и подышать видимымъ очертаніямъ. Духъ и жизнь выражаются въ словѣ, но не обнимаются имъ вполне. Дѣйствуя на умъ и сердце, они пробуждаютъ въ немъ много спящихъ ростковъ, открываютъ безконечную перспективу, даютъ чувствовать много новаго, но всей широты этого новаго не раскрываютъ прямо предъ умственнымъ глазомъ слушателя. Спаситель самъ сравниваетъ свое слово съ сѣменемъ, которое бросается въ землю и потомъ, при стеченіи такихъ или другихъ условий, или вырастаетъ въ огромное дерево, или развѣвается вѣтромъ, или пожирается птицами, или засыхаетъ отъ недостатка влаги въ почвѣ. Для созданія и укрѣпленія новаго нравственно-духовнаго строя жизни однаково служили и однаково дости-

гали цѣли, во время общественнаго служенія Спасителя, какъ краткія замѣчанія, брошенные по случаю, такъ и длинныя нарочитыя рѣчи. Какъ будто ведется рѣчь обыкновенная, высказывается дѣло обыденное, но слагайте все вмѣстѣ, и вы увидите въ этомъ обыкновенномъ чудную красоту, вышечеловѣческое величіе, и полноту частныхъ, направленныхъ къ одной цѣли и увлекающихъ внимательныя души къ тому благу, котораго такъ желалъ людямъ божественный Учитель. Есть общее цѣльное впечатлѣніе отъ ученія и учительства Господа Иисуса Христа; но это цѣльное общее впечатлѣніе слагается изъ безконечнаго множества частныхъ наставленій, вызвавшихся изъ устъ Спасителя тамъ и сямъ, по такому или другому случаю, при такомъ или другомъ обществѣ.

Евангеліе, характеризуя образъ ученія Спасителя, указываетъ двѣ общія черты, опредѣляющія сущность впечатлѣнія, производимаго имъ на слушателей. Въ Его словѣ, при обыкновенной простотѣ, чужаясь воѣмъ съ одной стороны необыкновенная властная божественная сила, съ другой необыкновенная благодатная сладость, размягчающая и привлекающая сердца. Народъ, въ первый разъ слышавшій бесѣду Спасителя, по замѣчанію евангелистовъ, дивился ученію Его, и это удивленіе, простиравшееся иногда до ужаса (Лук. IV, 32), они объясняютъ тѣмъ, что слово Его было слово со властію, что Онъ училъ народъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжникъ и фари́сея. Такое замѣчаніе о поражающемъ дѣйствіи учительнаго слова Христова евангелисты дѣлаютъ тогда, когда хотѣтъ передать о томъ, какъ отзывалось оно въ сердцахъ людей на первыхъ порахъ своего появленія (у евангелиста Матѳея послѣ передачи нагорной бесѣды, VII, 29, у Марка I, 22, и Луки IV, 32, при извѣстіяхъ о первомъ откровеніи Его ученія въ синагогѣ канернауемской въ субботніе дни). Но эта поражающая

царственная власть божественнаго слова не уменьшилась и тогда, когда народъ освоился съ необыкновеннымъ явленіемъ въ области слова и ученія. Не новостъ этого явленія поразила его, не какой нибудь вѣншній блескъ, къ которому можно привыкнуть, и который по мѣрѣ привычки теряетъ свое обаяніе, а полнота внутренняго духа, проявнутаго всепобѣждающею правдою Божію и умѣющаго прямо представлять предъ глаза человѣка то, что въ ней есть наиболѣе дѣйствннаго. При этой полнотѣ духа правды, слово всегда ново, даже и тогда, когда оно раскрываетъ старыя истины, всегда крѣпко, всегда сильно дѣйствовать, по выраженію апостола, до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ. Отъ того удивленіе, разъ возбужденное словомъ Спасителя, не улегалось, а возрастало въ народѣ, по мѣрѣ большаго ознакомленія его съ новымъ учителемъ и новымъ ученіемъ (Матѣ. XXII, 33; Іоан. VII, 12—15). Отъ того постоянно народъ окружаетъ Его, ловя каждое Его слово, каждое Его замѣчаніе. Отъ того начавшіе слушать Его забываютъ свои дѣла житейскія, забываютъ иногда насущныя потребности тѣлесныя и идутъ въслѣдъ за Учителемъ въ пустыню, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни воды, невольно поддаваясь всеувлекающему дѣйствию властнаго слова: душа какъ магнитъ притягивается къ другому сильнѣйшему магниту и отдаетъ себя ему въ полное распоряженіе (Матѣ. IV, 18—22, XIV, 13—22, XV, 32—39). Разъ послали фарисеи и архіереи іудейскіе служителей взять Господа Исуса, когда Онъ во время праздника купцевъ училъ народъ во храмѣ іерусалискомъ: но тѣ рѣшительно не могли исполнить повелѣнія своихъ начальниковъ. Когда же эти начальники выговаривали своимъ слугамъ за то, что они не исполнили ихъ повелѣнія, слуги въ свое оправданіе отвѣчали: *никтоже тако есть глаголазъ челоувѣкъ, яко сей челоувѣкъ* (Іоан. VII, 46). Власть учительнаго слова подчинила

себѣ волю исполнителей чужихъ приказаній, побуждаемыхъ къ тому страхомъ и отвѣтственностію; пораженіе могучимъ словомъ Учителя, не облеченнаго никакою внѣшнею властію, они, слушая Его, забыли то, за чѣмъ пришли, забыли страхъ и послѣдствія неисполненія приказаній своихъ господъ, и предстали предъ глаза ихъ съ пустыми руками, приводя въ свое оправданіе одно указаніе на невиданную и неслыханную силу слова того Учителя, котораго поручено было схватить имъ.—Самаряне предубѣждены были противъ іудеевъ и іудейскихъ учителей, и не хотѣли имѣть съ ними общенія; но когда увидали въ своемъ городѣ Господа Іисуса и услышали Его рѣчь, они просили Его побыть у нихъ нѣсколько дней, и съ вѣрою, покорностію и услажденіемъ внимали Его ученію (Іоан. IV, 39—42). Женѣ самарянкѣ открылъ прежде другихъ въ городѣ самарійскомъ свое божественное посланничество Господь Іисусъ Христосъ, и она извѣстила своихъ согражданъ о пришествіи къ нимъ необыкновеннаго человѣка, приглашая ихъ пойти посмотрѣть и послушать его. Но когда они услышали ученіе этого необыкновеннаго Человѣка, они говорили женѣ той: *уже не по твоимъ рѣчамъ орудемъ; ибо сами слышамъ и узнаемъ, что Онъ истинный Спаситель міра, Христосъ* (Іоан. IV, 42).

Слово власти, покоряющее сердца, въ устахъ Спасителя не было словомъ суровымъ и подавляющимъ; строгость и сила не была его единственнымъ и исключительнымъ свойствомъ. Въ своемъ теченіи и развитіи оно было сколько словомъ всепобѣждающей правды, столько же словомъ привлекающей любви, и власть, сила его постоянно и неразрывно соединялись съ мягкостію любви, дяющей особенную сладость и прелесть рѣчи. Евангелисты, выставившіе на видъ силу властнаго слова Христова, потерпаемую въ глубокихъ тайникахъ истины, куда проникать легко свѣтлый взоръ Богочеловѣка,

не опустили изъ вниманія и этого другаго свойства. *Диалогъ вси* (говоритъ евангелистъ Лука) *о словесныхъ благодати, исходящихъ изъ устъ Ею, и маломаху: не сей ли есть сынъ Иосифовъ* (Лук. IV, 22)? Слово *благодать* (греч. *χαρις*), приложенное къ рѣчи, выражаетъ собою необыкновенную пріятность рѣчи, услаждающую сердца слушателей. Эта пріятность рѣчи условливалась сколько содержаниемъ ея, столько же, если не болѣе, ея тономъ и складомъ; здѣсь все опредѣляютъ собою душа говорящаго, ея настроеніе и достоинство. Путемъ долгаго изученія люди стараются приобрѣсть силу краснорѣчія, чарующаго умы, и внѣшнее достоинство слова обыкновенно является плодомъ опыта и упражненія. Чувствовали слышавшіе слово Спасителя, что говорившій исполнѣ владѣть тайнами искусства, не легко достающагося многимъ и послѣ долгихъ лѣтъ изученія и упражненія; они хотѣли бы предполагать здѣсь дѣйствіе и плоды долгихъ изученій. Но, зная говорившаго, они терялись въ недоумѣніяхъ о причинѣ явленія у Него великой благодати слова, и спрашивали другъ у друга: откуда Ему эта увлекающая благодатная сила слова? *Не сей ли есть сынъ тектоновъ?* И какъ безъ науки, безъ скольконаго упражненія Онъ дошелъ до такой высоты, до такого совершенства въ словѣ и ученіи? Между тѣмъ напрасли и излишни были всѣ обыкновенныя предположенія и объясненія, при мысли о явленіи словъ благодати, исходящихъ изъ устъ Спасителя. Эти слова благодати не были плодомъ искусства; отъ нихъ не вѣяло воздухомъ школы; въ нихъ не видно было того напряженія, того потоваго труда, которымъ достигается побѣда и совершенство слова людьми ораторской профессіи. Величіе божественной любви, не связанной никакими правилами, проникая слово, создавало и отрывало въ немъ небывающую сладость и благодать: то былъ голосъ глубокой нескazanной симпатіи къ человѣку и человѣчеству, его вуждамъ,

бѣдамъ и страданіямъ, и подъ дѣйствиємъ этого голоса невольно размягчались самыя ожесточенныя сердца, слышавшія слово благодати. Эта любовь извлекала изъ глубины божественной души трогательныя тоны, задѣвающие за сердце слушателя; она сводила рѣчь на предметы и интересы, наиболѣе близкіе и дорогіе слушателямъ; она указывала въ нихъ стороны, которыхъ до того напрасно искала отуманенная мысль народа; она благоуханіемъ своей святости приравнивала простое волнующееся слово; она, устраняя все, рассчитанное на внѣшній эффектъ, все, ошеломляющее слухъ и приговывающее вниманіе къ одной поверхности слова, говорила прямо сердцу, и за внѣшнимъ покровомъ слова давала отгадывать каждому тайну своего создающаго и побѣждающаго могущества. Изъ любви божественной души возникала творческая сила, которая простому орудію человѣческой мысли и сообщенія—языку давала высшее совершенство, недостижимое для обыкновенныхъ усилій, и облекала его такимъ могуществомъ и сладостію, что ему не могли противостоять и тѣ, которые желали бы признать его несовершенства и слабости. Языкъ сердца и любви, въ устахъ Богочеловѣка, являлся слаще меда и сота, чище и выше самыхъ совершенныхъ произведеній человѣческаго искусства. Потому постоянно хотѣли бы слушать его благочестивыя души, и никогда не могли наслушаться.

III. Можетъ быть, не ясны подобныя опредѣленія, данныя нами на основаніи евангельскихъ указаній. Но если нужны дальнѣйшія разъясненія, мы не рѣшаемся для нихъ обсуждаемый нами предметъ подводить подъ логическія понятія, дѣленія и формулы, и желали бы припомнить слова самого Господа, сюда относящіяся, и ими указать характеръ и свойства его учительской методы. Не много этихъ словъ, и не

нарочито въ нихъ опредѣлялъ Господь наибъ образъ и свойства своей учительной дѣятельности, но ими и при этомъ лучше и вѣрнѣе можно надѣяться высказать сущность дѣла, чѣмъ побочными соображеніями, основанными на спитезѣ разсѣянныхъ частностей.

Путемъ противоположенія иногда выясняетъ характеръ истиннаго учительства Господь Іисусъ Христосъ. Въ Его время считали себя учителями и руководителями народа книжники и фарисеи. Божественный Учитель человечества въ современныхъ ему руководителяхъ народа не видѣлъ того, чѣмъ должны быть истинные учителя, и Самъ училъ не какъ книжники и фарисеи. Что же было не похвальнаго въ учительской дѣятельности книжниковъ и фарисеевъ? И въ чемъ противоположность между ихъ неправильнымъ учительствомъ и истиннымъ учительствомъ Господа Іисуса Христа? Они *связуютъ* (говоритъ Господь и Спаситель нашъ) *бремена тяжка и бѣдны носима, и возлагаютъ на плеча человѣческа: перстомъ же своимъ не хотятъ дашнуги ихъ* (Матѣ. XXIII, 4). Этими словами Спаситель осуждаетъ мертвое, холодное отношеніе современныхъ Ему учителей къ закону. Законъ для нихъ не служитъ внутреннимъ средоточіемъ и началомъ ихъ духовной жизни: онъ куча сборныхъ предписаній, чисто внѣшнихъ, для нихъ какъ бы стороннихъ. Они ткутъ и распространяютъ эти предписанія, не справляясь съ голосомъ своей совѣсти, съ указаніями собственнаго опыта, а какъ бездушные отвлеченные теоретики выдумываютъ самыя строгія, самыя стѣснятельныя заповѣди, и требуютъ отъ своихъ руководимыхъ ихъ исполненія, не принимая въ расчетъ естественной слабости человѣка, не указывая облегчающихъ средствъ къ несенію тяжелаго бремени. Ихъ проповѣдь при этомъ не вытекала изъ живаго глубокаго сознанія и не проникнута была правдою жизни. Это было слово, расходящееся съ дѣломъ,

и потому бѣдное содержаніемъ: какъ вѣтеръ, оно разносилось надъ слухомъ народа, и ничего не приносило почвѣ сердець человѣческихъ; потому что въ немъ, при пустомъ шумѣ, не было жизненныхъ сѣмянъ, которыя бы могли оплодотворить жизненную почву. Этого раздвоенія между словомъ и дѣломъ, между закономъ и жизнью не было въ ученіи Господа Иисуса Христа. Онъ жилъ среди закона и истины, и жизненная практика Его была воплощеніемъ закона, воспріятого сердцемъ. Слово Его было чуждо отъмеченности и полно самаго жизненнаго содержанія; въ немъ слышалось дыханіе жизни, и видно было, что изъ себя выносишь, а не отъиѣ собираешь. Учитель великія истины, Имъ проповѣданныя. И тотъ же законъ, который у бездушныхъ проповѣдниковъ выходилъ такимъ тяжелымъ, отвлеченнымъ и недоступнымъ для слабыхъ силъ человѣка, у проповѣдника сердца и душевнаго опыта терялъ свою удупливую отвлеченность, являлся закономъ живымъ, понятнымъ для всѣхъ, какъ бы вынесеннымъ изъ живаго сердца человѣческаго. Отъ того тамъ сухая не прочувствованная проповѣдь не приближала человѣка къ закону тяжелыхъ формулъ, а скорѣе отстраняла отъ него или исполняла слушателя страхомъ отчаянія; а здѣсь живое слово вносило проповѣдуемый законъ въ плоть и кровь человѣка и дѣлало его реальнымъ явленіемъ среди человѣческаго общества.

Они любятъ превозношенія на вечеряхъ и превозношенія на сонмищахъ, и цѣлованія на торжищахъ, и званіе отъ челоуѣкъ: учителю, учителю (Матѣ. XXIII, 6. 7). Вышнее превозношеніе и гордость учителей фарисейскихъ прежде всего характеризуется этими словами Спасителя: вездѣ напоказъ они стараются выставить предъ другими свое превосходство въ общественно-юридическомъ положеніи, въ нравственномъ направленіи и во вышней учености и знаніи закона. Это самоиѣніе выражается и въ ихъ словѣ, пропитанномъ

гордостію, не приспособленномъ къ простому пониманію народа, выказывающемъ на видъ знаки ихъ ученой мудрости, чуждомъ всякой снисходительности къ бѣдному разумнѣю неученыхъ. Отъ этого слово фарисейскихъ книжниковъ, при всей своей внутренней скудости, было мало доступно и мало полезно для душъ, жаждущихъ религіознаго назиданія, по не умѣющихъ возвышаться надъ простотою вѣры. Въ словѣ Господа Иисуса не было никакого нагляднаго возвышенія надъ простымъ пониманіемъ: Онъ умѣлъ говорить въ уровень съ общимъ сознаніемъ и не замѣтно возвышать его надъ собою, надъ прежними вѣрованіями, убѣжденіями и предразсудками. Великая тайна простоты и общедоступности рѣчи, при раскрытіи самихъ возвышенныхъ предметовъ, отсутствіе въ ней всякой вышней помпы и всѣхъ спарядовъ учености, при особенной глубинѣ ея содержанія,—вотъ одно изъ главныхъ свойствъ ученія Спасителя, отличающее его отъ чваннаго ученія горделивыхъ книжниковъ фарисейскихъ.

Фарисей и книжники, по словамъ Спасителя, *вожди слѣпѣи, ослѣпдающіи комары, вельблуды же пожирающе*. Они одесятствуютъ *мятву, копръ и киминъ*, и оставляютъ *вѣщамъ закона, судъ и милость и вѣру*. Они очищаютъ *внѣшнее сткляницы и блюда, внутрьду же суть полны хищенія и неправды* (Матѣ. XXIII, 23—25). Они говорятъ: *иже аще кленется церковію, ничесоже есть: а иже кленется златомъ церковнымъ, долженъ есть; и иже аще кленется алтаремъ, ничесоже есть: а иже кленется даромъ, иже верху его, долженъ есть* (16, 12). Какая скрупулезность! И какое мертвое пониманіе закона! Законники, постоянно толкующіе о законѣ, не видятъ силы закона, не знаютъ его духа, и утратили въ своемъ сознаніи его цѣлость. Въ законѣ, сдѣлавшемся чуждымъ для ихъ внутренняго сознанія, они потеряли коренной жизненный нервъ, и потому дѣлаютъ громоздкія пристройки,

только закрывающія внутреннее существо дѣла, а не укрѣпляющія его: они хотятъ поддержать этими пристройками святое зданіе закона, а сами только истопаютъ его, претворивъ въ мелочи и букву его внутреннюю силу. Они блюдаютъ за цѣлостію и исприкосновенностію этихъ мелочей, но не хотятъ понять того, что не въ нихъ, не въ этихъ мелочахъ сила нравственнаго укрѣпленія, и потому, оставляя безъ вниманія корень, заботятся о вѣтвяхъ и листьяхъ: какъ будто листья, покрывающіе верхушку дерева, могутъ дать ему видъ и здоровье, когда гниль и изсохъ его корень! Въ своемъ стѣпомъ отношеніи къ закону они не умѣютъ узнать, кто болѣе преступаетъ законъ,— тотъ ли, кто не исполняетъ всѣхъ обрядовыхъ мелочей при столѣ, предписанныхъ толкователями закона, но заботится о милости и правдѣ, или тотъ, кто, соблюдая всѣ омовенія и другіе обряды, требуемые фарисейскою святостію въ обыденной жизни, не стѣсняется обихать и грабить сиротъ и вдовиць. Господь Иисусъ Христосъ, какъ истинный учитель, не отягощаетъ вниманія и воли слушателей множествомъ заповѣдей и дробленіемъ ихъ на разряды; Онъ не давить и не связываетъ ихъ жизненной практики кучею мелочныхъ предписаній и обрядовою казуистикою. Помнимо всѣхъ мелочей, Господь Иисусъ Христосъ указываетъ самое внутреннее зерно закона, и весь законъ представляетъ въ двухъ заповѣдяхъ: *возлюбимъ Господа Бога своего всмъ сердцемъ твоимъ, и возлюбимъ ближняго своего, какъ самую себя.* Онъ хочетъ вселить въ человѣка духъ закона, положить въ немъ основное начало нравственности, а не заботится въ отдѣльности о томъ, другомъ и третьемъ частномъ случайномъ дѣйствіи. Нужно насадить и утвердить корень; листья и вѣтви сами собою выростутъ изъ него: нужно укоренить духъ нравственнаго закона въ человѣкѣ; частнѣйшія добрая дѣйствія послѣ этого лягутъ сами собою въ его жизни, и въ каждомъ

данномъ случаѣ онъ съумѣетъ привести свою волю въ гармонію съ закономъ. Господь Іисусъ Христосъ не пренебрегаетъ обрядовыхъ дѣйствій, указанныхъ человѣку, совѣтуетъ не оставлять и ихъ, но прежде всего старается внушить слушателямъ главное изъ закона, — судъ, милость и вѣру.

При слѣпомъ и мертвомъ пониманіи закона, фарисейскіе книжники, по изображенію Спасителя, отличались духомъ фанатизма и петеримости. Они созидали гробы пророковъ и украшали раки праведныхъ, и говорили: если бы мы были во дни отцевъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ. Но Господь Іисусъ Христосъ замѣчаетъ имъ на это: *тѣмже сами свидѣтельствуете себя, яко сынове есте избившихъ пророки. И вы исполните мѣру отцевъ вашихъ.. Се Азъ пошлю къ вамъ пророки и премудры и книжники: и отъ нихъ убіете и распнете, и отъ нихъ бѣте на сонмищахъ вашихъ, и изженете отъ града во градъ* (Матѣ. XXIII, 31. 32. 34). Смотря на законъ сквозь покрывало, спитое изъ разныхъ, часто суевѣрныхъ, преданій и пустыхъ толкованій, обольщеніе притомъ важностію этихъ преданій и толкованій, они совершенно нечувствительны къ свѣдому и живому слову, уясняющему смыслъ закона; не понимая его, они всегда готовы предполагать въ немъ уклоненія отъ вѣры, оскорбленіе святости закона. Привыкну къ болотной тинѣ, они не терпятъ чистой воды и считаютъ ее вредною. Почивая на возглавіи закона, изготовленномъ скорѣе легковѣріемъ пустосвятства, чѣмъ усердіемъ къ истинному выполненію духа чистой нравственности, они теряютъ равновѣсіе и спокойствіе духа, выходятъ изъ себя, когда какой либо учитель или божественный посланникъ тревожитъ ихъ дремоту и представляетъ имъ высшіе пути жизни и низкій уровень ихъ нравственнаго состоянія. Не видя святости своихъ измышленій, но вѣря имъ только по привычкѣ и преданію, и потому не могли пока-

зять предъ всѣми ихъ силы и божественности, она человѣческой страстностію восполняютъ недостатокъ разумной вѣры, и словомъ фанатизма отвѣчаютъ на слово зрячей вѣры и разума: фанатизмъ гонить отъ себя истинная вѣра; онъ является тогда, когда вѣра чловѣка, не имѣя ни силы, ни авторитета, хочетъ защитить и спасти у себя то, что по чему либо дорого сердцу. Въ сердцѣ, не умѣющемъ воплотить въ себѣ духа закона, а между тѣмъ обольщенномъ своею святостію, нѣтъ управителя надлежащихъ отношеній къ людямъ: въ немъ большею частію все опредѣляется движеніями самолюбія. И потому, когда поражается чѣмъ либо это самолюбіе, оно поднимаетъ въ чловѣкѣ бурю въ видахъ самозащитенія, и ненавистію платитъ тѣмъ, кто дѣйствуетъ не подь такъъ обыкновену его настроенію и улегшимся въ немъ желаніямъ. Отсюда такъ много печальныхъ явленій въ исторіи, когда одно оскорбленное самолюбіе соединяется съ другимъ, и борьба является не только борьбою двухъ, борьбою частною, но и общественною, борьбою партій, сословій или народовъ.—Истинный Учитель былъ чуждъ всякимъ насиліямъ, не зналъ и не употреблялъ никакихъ витѣшнихъ насильственныхъ мѣръ, чтобы привести людей въ согласіе съ собою. Онъ дѣйствовалъ на совѣсть путемъ убѣжденія. Его вѣра, полная внутреняго содержанія и свѣтлаго разума, твердая и священная авторитетомъ, для всѣхъ видимымъ, сама собою обладала силою, преклонявшею умы слушателей. Ревность по этой вѣрѣ не мирилась и съ тѣнью слѣпаго фанатизма, всегда страстного, всегда полусознательнаго. Увѣренная въ себѣ, въ своей истинности и непреложности, она тихимъ, мирнымъ путемъ шла къ своей побѣдѣ,—и малѣйшій признакъ раздраженія и страстности былъ бы оскорбленіемъ для нея. Люди невѣрующіе или неправовѣрующіе вызывали у ней противъ себя слово: обличенія ея были иногда сильны и рѣзки. Но и въ

этихъ сильныхъ обличенійхъ вѣялъ духъ любви, вызывавшій скорбь о заблудшихъ: сражая невѣріе или неправовѣріе, онъ побуждалъ не губить, а спасать невѣрующихъ и неправовѣрующихъ; душа и заблуднаго была слишкомъ дорога для него. Потому при упорствѣ заблужденія, онъ терпѣливо ждалъ его смягченія и исправленія, не посягая на свободу и жизнь варяженнхъ заблужденіемъ. Интересъ истины и блага были у Учителя правды на виду, а не личные интересы чести и самолюбія, какъ у книжниковъ-фарисеевъ, пригнѣтавшихъ ложь къ истинѣ, и въ служеніи истинѣ преслѣдовавшихъ служеніе мамонѣ и своему чреву.

IV. Для положительнаго опредѣленія метода ученія Господа Иисуса Христа, мы просимъ припомнить Его выраженіе, сказанное Имъ своимъ ученикамъ послѣ того, какъ Онъ длиннымъ рядомъ притчей старался выяснитъ имъ тайну царства небснаго, и спросилъ ихъ: поняли ли вы все это? Ученики отвѣчали ему, что поняли. Тогда Онъ сказалъ имъ: *всякій книжникъ, научившій царству небсному, подобенъ хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое* (Матѣ. XIII, 52). Въ приложеніи къ ученію Спасителя слова эти означаютъ мягкую и мудрую систему приспособленія, держась которой Господь Иисусъ Христосъ постепенно велъ разумѣніе учениковъ и всего народа къ высшимъ тайнамъ боговѣдѣнія и чистѣйшему представленію предметовъ религій и нравственности. Господь и Спаситель нашъ, приступая къ просвѣщенію народа, не хотѣлъ начинать этого дѣла быстрымъ и рѣзкимъ поворотомъ; и не горячая полемика съ заблужденіемъ времени являлась главною его задачею. Обыкновенно люди отрицанія, съ большимъ трудомъ добывшіе какія либо новыя относительноя истины, во имя этихъ истинъ съ рѣзкою запальчивостію выступаютъ противъ устарѣлыхъ

вѣрованій и убѣжденій, и съ особенною настойчивостію выдвигаютъ на видъ пункты противоположенія между старыми и новыми. Спаситель напротивъ, обладавшій полнымъ представленіемъ безотносительной истины, искалъ пунктовъ сравненія и сближенія въ просвѣщаемомъ Имъ сознаніи народа. Онъ обращалъ вниманіе больше на положительныя, чѣмъ на отрицательныя стороны современнаго сознанія, хотѣлъ отыскать и выставить въ немъ чистыя представленія, чтобы къ нимъ привить новыя соки, привязать новыя болѣе полныя истины. Не то, что нужно было сразить, какъ недостойное, а то, что нужно было укрѣпить, возвысить и расширить, — не паростъ лжи, а корень правды, положенный въ человѣчествѣ, — былъ исходною точкою и мѣтою Его слова. Свѣозъ мглу недоумѣній и ложныхъ, темныхъ представленій своею ясновидящею мыслию Онъ проникалъ до сердцевины человѣческаго сознанія, до того неистребимаго нерва истины, который своєю жизненностію условливаетъ движеніе человѣческаго ума къ исканію божественной правды, и который среди обыденной жизни такъ часто зарастаетъ нечистыми и вредными травами. И свѣтлое слово умѣло выносить изъ темной и густой мглы ясный, чистый, незапятнанный обликъ закона, умѣло зажигать свѣтъ тамъ, гдѣ тускнѣлъ онъ подъ дѣйствіемъ напоспыхъ элементовъ. Старая правда въ этомъ случаѣ являлась въ новомъ видѣ; прежняя сила, забытая и забитая, выросла и раскрывалась съ нежданною прежде энергією. Въ ученіи, привязанномъ къ старымъ истинамъ, лежащимъ въ глубинѣ человѣческой души, люди видѣли какъ бы стараго знакомаго, и въ то же время новаго гостя. Учитель являлся не столько сообщителемъ новыхъ положеній закона, сколько возбудителемъ святаго сѣмени, гложимаго въ умахъ и сердцахъ народа. И вотъ этимъ условливался успѣхъ Его ученія; отъ этого увеличивалась его дѣйствительная сила: расширялась и

удобрялась почва, на которой должно было расти новое царство истины; сила дѣйствія соединялась съ силою воспріятія. Возбуждалась охота къ слушанію и уясненію слова Божія въ душахъ, прежде мирившихся съ мутнымъ устоявшимся строемъ убѣжденій; въ нихъ прибавлялась сила пониманія, и незамѣтно родился дремавшій духъ съ новыми идеями, открывавшими новое царство Божіе на землѣ. Нагляднымъ образцомъ этой положительной методы ученія, богатой плодотворными слѣдствіями, служить такъ называемая нагорная бесѣда. *Да не мните* (говорить Онъ въ ней), *яко приидоух разорити законъ или пророки: не приидоух разорити, но исполнити* (Матѣ. V, 17). Истины, возвыщенныя прежними пророками и учителями, Онъ не уничтожаетъ для того, чтобы на мѣсто ихъ поставить свое новое: напротивъ, признавая ихъ, Онъ только хочетъ довести ихъ до надлежащей полноты и силы, такъ чтобы сознаніе человѣческое не останавливалось на полудорогѣ, не замыкалось въ узкое пониманіе широкій духовной истины. *Слышасте, яко речено бысть древнимъ* (говорить Спаситель, приступая къ изложенію своего ученія и изъясненію божественнаго закона): *не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ итѣваяся на брата своего аще, повиненъ есть суду: иже бо аще речеть брату своему, рака, повиненъ есть сонмищу: а иже речеть, уроде, повиненъ есть всеню отменной...* *Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже возжелати ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ....* *Наки слышасте, яко речено бысть древнимъ: не во ажу клеветиши, воздастъ же Господеси клятвы твоя. Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко: ни небомъ, яко престолъ Божій есть: ни землею, яко подножіе есть ногама его: ни Иерусалимомъ, яко градъ есть великаго царя... Буди же слово*

ваше: сѣ, ей: ны, ни: лишше же сею отъ непріязни есть. Слышасте, яко речено бысть: око за око, зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще ты кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую.. Слышасте, яко речено бысть: возлюбши искренняго твоего, и возненавидимы врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите клеветующія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгонящихъ вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ, иже солнце свое сияетъ на злыя и благія, и дождитъ на правдыя и неправдыя.... (Матѣ. V, 21—48). Какъ видите, Господь присязываетъ свое слово назиданія въ тому закону, котораго держался народъ, Его слушавшій. Въ своей бесѣдѣ, вспомяная заповѣди этого закона, Онъ утверждаетъ ихъ силу и значеніе, но только расширяетъ и одухотворяетъ тотъ смыслъ, какой соединили съ ними іудеи, воспитанные тогдашними книжниками и фарисеями. И сознаніе слушателей разъ заинтересовывается бесѣдою, рождается съ ея содержаніемъ, какъ чѣмъ-то знакомымъ, и въ то же время вдругъ и неволью освѣщается повѣмъ свѣтомъ. Законъ остается тѣмъ же въ своемъ существѣ, чѣмъ былъ прежде; но пониманіе его является у народа болѣе широкое, свѣтлое и духовное. И это достигнуто безъ полемики, путемъ одного положительнаго раскрытія и очищенія истины, хранимой сознаніемъ слушателей. Другой путь, путь полемики былъ бы и длиннѣе, и меньше бы приносилъ созидающаго элемента, и могъ бы еще отклонить вниманіе слушателей отъ предлагаемаго ученія, оскорбивъ или затронувъ ихъ привязанность въ своимъ убѣжденіямъ. Нагорная бесѣда—не единственный случай употребленія такой методы ученія Спасителя. Его ученіе во всемъ своемъ объемѣ развивалось по возбужденію временныхъ обстоятельствъ, въ соотвѣтствіи съ найденнымъ Имъ

содержаніемъ современнаго сознанія, по такъ-называемой системѣ приспособленія. По предвѣчному совѣту, родившись и воспитавшись въ Іудеѣ, Господь Іисусъ Христосъ обнялъ своею мыслию воззрѣнія и вѣрованія іудейскаго народа, и въ этихъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ видѣлъ почву и сѣмена для началъ новой жизни, Пль приреспублиой. Потому отсюда брало для себя вѣшнюю исходную точку Его слово, и сюда Онъ направлялъ свѣтъ своей божественной мысли, чтобы возвысить человѣческое разумѣніе, очистить человѣческое пониманіе и распространить потомъ по всей землѣ новую чистую вѣру.

Само собою понятно, что приспособленіе Спасителя къ сознанію слушателей въ раскрытіи своего ученія, по которому Онъ износилъ старое и къ старому присоединялъ новое, нимало не похоже было на ту поддѣлку подъ вкусъ и мысль слушателей, каковую дозволяютъ себѣ иногда фальшивые и несильные учителя, готовые жертвовать цѣлостію истины въ видахъ скорѣннаго убѣжденія въ какой либо частной относительно истинѣ, и признавать предразсудки и ошибки за истину для возбужденія большаго довѣрія къ себѣ. Поддѣлка подъ чужое сознаніе, съ готовностію жертвовать истинною своего убѣжденія, свидѣтельствуешь о не полномъ обладаніи истинною со стороны учителя, о его не свободномъ отнесеніи къ пей. Она показываешь безсиліе его высвободиться изъ рабской зависимости отъ условной среды, и неумѣнье прямыми и чистыми средствами склонять убѣжденія людей на свою сторону; потому что только при слабости возможна нескрещенная, вынужденная сдѣлка съ завѣдомымъ заблужденіемъ. Но при полномъ и всецѣломъ обладаніи истинною, въ умѣ Богочеловѣка отъ свѣта Его божественной мысли исчезла всякая тѣнь недоумѣнія и фальши, съ какими адресовалось къ Нему современное Ему человѣческое сознаніе, и

всемогущее слово прямить и чистым путем, безъ околичныхъ блужданій по боготиннымъ трясинамъ человѣческихъ мнѣній, вело расположенныя сердца къ святой цѣли. Не внутреннее существо святой истины видоизмѣнялось въ Его ученіи въ сообразность съ временными убѣжденіями Его современниковъ, а вѣдущая постановка ея предъ сознаніемъ слушателей. Чтобы пайти въ сознаніи слушателей точку опоры или воспріимчивую почву для предлагаемаго ученія, Спаситель раскрываетъ истину прежде всего съ той стороны, съ какой она болѣе или менѣе извѣстна тѣмъ, кому Онъ говорить, и съ какой имъ легче и удобнѣе идти къ уясненію другихъ сторонъ, въ ней заключающихся. Здѣсь въ широкомъ размѣрѣ прилагается то логическое правило, которое совѣтуетъ въ развитіи мысли идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

V. Есть другія замѣчанія у евангелистовъ касательно образа ученія Спасителя, и есть другія частныя характеристическія свойства, опредѣляющія его методъ. Между ними бросается въ глаза частое употребленіе притчей, въ формѣ которыхъ Господь Іисусъ Христосъ изъясняетъ тайны царствія Божія или дѣлалъ нравственные обличенія вызывавшимъ ихъ. Намъ, привыкшимъ къ силлогистическому развитію мыслей, приточный образъ ученія въ устахъ Спасителя кажется оригинальнымъ явленіемъ, и при чтеніи притчей, записанныхъ въ Евангеліи, часто невольно рождается вопросъ: отъ чего и для какихъ цѣлей Господь Іисусъ Христосъ такъ часто отступалъ отъ простаго разсудочнаго изложенія и прибѣгалъ къ образному, приточному образу рѣчи? Бросалась въ глаза эта оригинальность и непосредственнымъ слушателямъ божественнаго Учителя, которые болѣе насъ должны бы были свыкнуться съ образною рѣчью, употребительною на востокѣ; и они иногда съ вопросомъ недоумѣнія обращались къ своему Господу и

Учителю: *почто притчами глаголюши имъ* (Матт. XIII, 10)? Разъ даже они выразили особенное удовольствіе, услышавши отъ Спасителя длинную прямую рѣчь, не прикрытую притчею. *Вотъ* (сказали они Ему) *теперь Ты прямо говориши, и притчи не говориши никакой. Теперь видимъ, что Ты знаешь все, и не имѣешь нужды, чтобы кто спрашивалъ Тебя. Посему вѣруемъ, что Ты отъ Бога изшелъ* (Іоан. XVI, 29—30). Чтоже Спаситель? На какия обстоятельства и причины указывалъ въ объясненіе своей особенной методы раскрытія ученія? Въ разныя времена Онъ указывалъ разныя точки зрѣнія, съ которыхъ дѣлается понятною необходимостью и плодотворностью приточнаго образа раскрытія божественной истины. Разъ Онъ сказалъ по этому предмету: *сіи въ притчахъ глаголю вамъ: но придетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явѣ о Отцѣ возвѣщу вамъ* (Іоан. XVI, 25). Другой разъ, когда ученики просили Его разъяснить смыслъ притчи о сѣятелѣ, Онъ предначинилъ это изъясненіе слѣдующимъ замѣчаніемъ: *вамъ есть дано видѣти тайны царствія Божіа: онѣмъ же вѣдѣваемъ въ притчахъ все бывающъ, да видѣюще видѣтъ, и не узрѣютъ, и слышающе слышатъ, и не разумѣютъ* (Мар. IV, 11. 12; Лук. VIII, 10). Ту же самую мысль выразилъ Спаситель, когда отвѣчалъ на вопросъ учениковъ, почему Онъ притчами говорилъ народу: *яко вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, онѣмъ же не дано есть. Иже бо имать, дастся ему, и прибудетъ ему: и иже не имать, и сего имать возметъ отъ него. Сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко видѣюще не видѣтъ, и слышающе не слышатъ, и не разумѣютъ* (Матт. XIII, 11—13). Когда евангелисты приводятъ подобныя выраженія Спасителя, они прибавляютъ замѣчаніе, что Спаситель многими притчами проповѣдывалъ имъ (слушайте явѣ изъ наряда) слово, сколько они могли слышать; безъ притчи же не говорилъ

ны; а ученикамъ наединѣ изъясняя все (Мар. IV, 33, 34). Могло казаться, что притчами Спаситель хотѣлъ прикрыть свое ученіе и затруднять его пониманіе для простаго слушателя. Чтобы устранить это представленіе, Господь Іисусъ Христосъ притчу сравниваетъ съ свѣтильникомъ, который зажигаютъ не для того, чтобы поставить его подъ сосудъ или подъ прогаты. *Ида свѣтильникъ зажмають, да подъ спудомъ поюжатъ его и и подъ одромъ (говорить Онъ)? Не да ли на свѣтлицу полагаетъ будетъ? Нистъ бо тайно, еже не явится; ниже бысть потаено, но да приидеть въ явленіе. Аще кто имать уши слышати, да слышитъ.. Блюдите (хорошо замѣчайте), что слышите (Марк. IV, 21—24).*

Соображая такія замѣчанія Спасителя, мы не видимъ, чтобы Онъ указывалъ въ притчѣ испремѣнную и обязательную форму рѣчи. Онъ пользовался притчею, какъ вспомогательнымъ и приготовительнымъ средствомъ, когда говорилъ людямъ мало приготовленнымъ или расположеннымъ слушать Его ученіе, и говорилъ о предметахъ, не съ-разу доступныхъ и понятныхъ каждому, которые Онъ называлъ тайнами царствія Божія. На вопросы учениковъ Онъ замѣчалъ, что со временемъ, когда обрѣнетъ и просвѣтитъ ихъ разумѣніе, Онъ явно, безъ притчи, будетъ говорить объ Отцѣ, и что въѣвшимъ людямъ, не ознакомившимся съ Его ученіемъ и не разумѣющимъ тайнъ царства небеснаго, не удобно говорить безъ пособія притчей.

Впрочемъ сама природа предлагаеа божественной мудрости Спасителя языкъ притчей для сообщенія народу своего высокаго ученія. Божественная мудрость только умѣла дать этому языку болѣе широкое и полезное употребленіе, чѣмъ какое мы встрѣчаемъ у другихъ дѣятелей общественаго слова. Человѣкъ любитъ образныя представленія, въ которыхъ всегда есть доля поэтической прелести. Когда приходится ему мыслить

и говорить объ отвлеченныхъ, духовныхъ предметахъ, образы являются сами собою, по требованію необходимости; потому что безъ нихъ нельзя выразить существа отвлеченной вещи. И когда мы прислушася къ обыкновенному языку, мы замѣтимъ, что онъ весь, какъ бисеромъ, испещренъ образными выраженіями. При мышленіи живое воображеніе, играющее образами, идетъ рука объ руку съ разсудкомъ, и часто какъ бы опережаетъ его, подсказывая ему образы, изготовляя готовые формы для его, часто тупой и не ясной, мысли. Чѣмъ сильнѣе голова, тѣмъ послушнѣе ей эти образы, въ которыхъ разсудокъ выражаетъ свои отвлеченныя мысли. Но если и на высшихъ степеняхъ логическаго развитія образность является неизбежно въ языкѣ мысли, то тѣмъ болѣе она необходима тамъ, гдѣ слабо дѣйствуетъ или мало развитъ разсудокъ, и гдѣ простыми наглядными представленіями замѣняютъ общія понятія. Людямъ напримѣръ неученымъ не пригодны ученые, символическія извѣстія мысли: они живутъ постоянно съ природою, мыслятъ ея формами и явленіями и говорятъ ея языкомъ. Этотъ языкъ, языкъ видимыхъ формъ и образовъ дѣлается ихъ особенною привилегіею, и въ немъ-то они выражаютъ внутреннюю работу своей головы, и онъ собственно помогаетъ имъ дѣлать для себя понятнымъ сокрытый смыслъ многихъ возвышенныхъ истинъ. У жителей восточныхъ и южныхъ странъ игра воображенія, возбуждаемаго и распалаемаго роскошными явленіями природы, привольнѣе, богаче и разнообразнѣе, чѣмъ у насъ, жителей холодныхъ странъ; тамъ подъ дѣйствіемъ живаго воображенія не всегда свободно распускается логическая сила; тамъ образъ разрастается въ картину; разсказъ рождастъ правило, и правило облекается въ историческую форму происшествія. Въ этомъ отношеніи восточная поэзія и философія имѣетъ свою характерность. Басни и поучительныя исторіи содержать восточное нравоученіе;

восточная философія любитъ образныя сентенціи и ихъ приправляетъ анекдотами. И на улицахъ, около шалашии у бочующихъ арабовъ собирались бывало толпы, и тамъ слышались анекдоты, сказки, исторіи, въ которыхъ передавалась изъ рода въ родъ важная вѣхами практическая и теоретическая мудрость народа. Нигдѣ нѣтъ столько правоучительныхъ, остроумныхъ басень, анекдотовъ, сказокъ и исторій, какъ на востокѣ, и отсюда они въ разныхъ переделкахъ и сокращеніяхъ распространялись по всей Европѣ.

Чѣмъ же служить въ устахъ Господа Иисуса Христа притча, такъ образъ выраженія, подсказываемый самою природою? И какихъ цѣлей достигала чрезъ нее божественная мудрость Спасителя?

Прежде всего притча способствовала возбужденію вниманія въ слушателяхъ и расколагала ихъ съ интересомъ и усердіемъ относиться къ тому, что предлагаетъ Учитель. Представьте себѣ слушателей Спасителя, людей, не прошедшихъ школы и державшихся непосредственныхъ представленій, не способныхъ безъ утомленія выслушивать длинныя изъясненія отвлеченныхъ понятій. Представьте, что имъ рассказывается какая либо близкая исторія: она занимаетъ ихъ и судьбою лицъ, въ ней выведенныхъ, и теченіемъ событій, направляемымъ къ цѣли мыслию рассказчика, занимаетъ такъ же, какъ дитя занимаютъ сказки. Приводится въ дѣятельность сила воображенія; она входитъ въ живое участіе съ движущимися въ разсказѣ лицами. А тутъ еще лицамъ и дѣйствіямъ дается особенный смыслъ; мысль передающаго разсказъ указываетъ высшую глубокую цѣль, для приведенія къ которой прибѣгаетъ къ разсказу Учитель. Вниманіе напрягается въ высшей степени, и притча является самымъ пригоднымъ средствомъ къ тому, чтобы овладѣть этимъ вниманіемъ, чтобы привязать его къ тому ученію, которое нужно передать народу.

По себѣ, по тому впечатлѣнію, какое на насъ производятъ притчи, записанныя въ Евангеліи, мы не можемъ судить о томъ дѣйстви, какое онѣ производили на непосредственныхъ слушателей Спасителя. Различіе во впечатлѣніяхъ здѣсь зависить не отъ того, что мы, какъ люди школы или люди сѣвера, сроднились съ другимъ, дидактическимъ, способомъ изложенія, а отъ того, что мы съ дѣтства слышимъ ихъ, нѣсколько сотъ разъ и машинально повторяемъ ихъ и знаемъ тотъ смыслъ, какой заключается въ нихъ. Но представимъ себѣ, что мы первый разъ слышимъ ихъ, и слышимъ, а не читасмъ, притомъ слышимъ изъ устъ Учителя, который самъ какъ бы творить ихъ, и каждое слово въ нихъ сопровождаетъ дыханіемъ живой души, полною ума, силы и любви, и то, что не можетъ отвердѣть и выразиться въ логическомъ словѣ, дополняетъ мяноту, жестомъ, тономъ и движеніемъ голоса. Обратимъ еще вниманіе на то, изъ какой сферы берется содержаніе притчей, и мы поймемъ, какъ сильно онѣ могли заинтересовать народъ, окружающій Спасителя. Учитель говорить простыми слушателямъ обыкновенно объ ихъ дѣлахъ и ежедневныхъ занятіяхъ, указываетъ на то, что съ ними можетъ случаться едва не каждый день. Тамъ рассказывается о сѣяніи и жатвѣ, заботахъ и надеждахъ земледѣльца; въ другомъ мѣстѣ о виноградарѣ, объ оцалываніи и воздѣлываніи винограда, о собираніи винограда, о винѣ и мѣхахъ; третій разъ говорится о неводѣ, о верженіи его въ море, о ловлѣ рыбъ и раздѣленіи ихъ, избраніи добрыхъ и отбрасываніи дурныхъ. И это говорится предъ людьми, для которыхъ земледѣліе, рыбная ловля и работы въ виноградникѣ всегдашніе житейскія занятія. Кромѣ особенной близости и наглядности этихъ образовъ для души слушателей, имъ пріятно видѣть въ рѣчи Учителя особенное снисходительное вниманіе къ ихъ занятіямъ, и за эту снисходительность они готовы платить

благодарною взаимностію, и потому съ особенно-теплымъ участіемъ выслушиваютъ слово, умѣющее затрогивать самыя чуткія симпатическія струны открытаго, воспріимчиваго сердца. Возьмите другія притчи: во всѣхъ ихъ образы выбираются, такъ сказать, изъ-подъ руки слушателей. Тамъ пастухъ ищетъ потерянной заблудшей овцы, находитъ ее и радуется этому обстоятельству, или вмѣсто его представляется бѣдная женщина, теряющая мелкую монету, съ безпокойствомъ перебирающая всѣ вещи своего скромнаго домика и радующаяся, когда ее поиски сопровождаются находкою потерянной монеты. Въ другомъ мѣстѣ говорится объ отцѣ, у котораго было два сына: одинъ сынъ попросилъ у него выдѣла имѣнія, ушелъ въ далекую страну, тамъ промоталъ все и долженъ былъ вести кочлѣ того самую горькую жизнь; эта горькая жизнь заставляетъ его вспомнить объ отцѣ и его счастливомъ домѣ; онъ съ покаяніемъ идетъ къ дому родителя, не смѣя назваться его сыномъ; но отецъ, увидя погибшаго было сына, забываетъ все, съ радостію принимаетъ его въ свои родительскія объятія и въ честь его устраиваетъ пиршество, для котораго закалаетъ лучшаго телъца изъ своего стада. Иной разъ въ образъ притчи берутся дѣвы, ждущія жениха, или брачныя пиршества, на которыя созываютъ радостные домовладыки всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, — или всѣмъ видныя черты тѣхъ сословія, съ которыми постоянно встрѣчался народъ, на примѣръ мытарей и фарисеевъ, и т. под. Не правда ли, что все это для слушателей Спасителя были свои родные, давно знакомые предметы? Не правда ли, что такими близкими образами какъ нельзя легче и удобнѣе можно было вести простой народъ къ пониманію духовныхъ предметовъ? Направленные къ высшей цѣли и освѣщенные духовнымъ свѣтомъ мысли, въ нихъ влагаемой, эти образы получали въ глазахъ слушателей особенную замечательность и благородство, восхищающее непосредственную душу.

Много говорилъ притчами Господь Иисусъ Христосъ народу и тогда, когда не нужно было возбуждать въ немъ особеннаго вниманія къ рѣчи, когда народъ въ большомъ количествѣ собирался вокругъ Него, и самъ желалъ слышать отъ Него что нибудь особенное (Матѳ. XIII, 2. 3). Въ этомъ случаѣ притчи являлись поддержкою напряженнаго вниманія, и, зашпая душу, вели ее за предѣлы видимыхъ образовъ, къ уразумѣнію предлагаемаго ученія. Образы притчей въ этомъ случаѣ были какъ бы ступенями лѣстницы, по которой мудрый Учитель возводилъ мысль своихъ слушателей къ уразумѣнію божественныхъ тайнъ. Въ другихъ случаяхъ нерѣдко вышшіе призывы къ слушанію или нарочитыя обращенія къ народу предваряли или сопровождали приточное изложеніе ученія Спасителемъ. «Слушайте притчу», — такъ иной разъ начиналъ свою бесѣду Господь Иисусъ Христосъ. А еще чаще Онъ употребляетъ выраженіе при концѣ притчей: *имайте уши слышати да слышите*. Чтобы привести въ большее движеніе воображеніе и душу слушателей, Спаситель иногда самихъ слушателей приглашаетъ изобрѣтать притчи или сплетать образы для предлагаемаго ученія, и такимъ возбужденіемъ самодѣятельности сильнѣе всего привязываетъ ихъ къ предмету рѣчи. *Чесому уподобимъ царствоіе Божіе? Или коеі притчи приложимъ е* (Мар. IV, 30)? *Кому уподоблю чело-вѣчки рода сего? И кому суть подобни* (Лук. VII, 31)? Душа слушателей какъ бы сливается съ душою Учителя, и рѣчь Его дѣлаетъ своею собственностію, когда она должна отвѣчать на призывъ къ совокупной работѣ для разъясненія предмета.

Притчи въ устахъ Спасителя не только служили къ возбужденію вниманія слушателей и приведенію въ движеніе силы воображенія. Онѣ не просто занимали воображеніе, а представляли лучшее пособіе размысленію, кратчайшій и

наиболѣе вѣрный путь къ пониманію истины. Истинны религіозныя, проповѣданныя Спасителемъ,—истинны нравственнаго или духовно-отвлеченнаго свойства. Въ своей логической простотѣ онѣ являются чѣмъ-то эвирнымъ, не легко уловимымъ для простой головы. Въ душахъ народа, водимагося нагляднымъ представленіемъ, для такихъ истинъ мало опорныхъ пунктовъ, мало точекъ притяженія: не вспаханная почва ихъ плохо принимаетъ такія истины. Онѣ скользятъ по душѣ, но не могутъ пустить въ ней твердаго корня, не могутъ свить надежнаго гнѣзда. Чѣмъ меньше въ головѣ отвлеченныхъ понятій, тѣмъ труднѣе уму усвоеніе и уясненіе новыхъ понятій. Здѣсь есть своя сила притяженія, называемая и укрѣпляемая опытомъ, и потому здѣсь находитъ свое приложеніе слово Спасителя: *имущему дано будетъ и преизбудетъ, а отъ немущаго и еже мнитсѣ имѣти, отнимется отъ него*, т. е., кто имѣетъ много, тотъ пріобрѣтетъ чрезъ это еще больше, а кто ничего не имѣетъ или мало, тотъ потеряетъ и то, что случайно попадетъ къ нему. Слушатели Спасителя были именно люди не имущіе, т. е., не привыкшіе къ работѣ надъ отвлеченными понятіями. Для ихъ пониманія притча была тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго они могли овладѣвать ускользающими отъ ихъ взгляда духовными понятіями, и безъ котораго имъ трудно и почти невозможно было бы удержать и развить въ себѣ высокую истину. Притча духовному отвлеченному представленію давала тѣло, образъ, видимую наглядную форму: въ этой формѣ предлагаемая истина входила въ простую душу, какъ осязательное явленіе, зашнмала въ ней мѣсто и утверждалась на ся почвѣ, какъ всякое вѣщное представленіе предмета или событія, изъ области летучихъ чѣлѣй переходила въ область живой дѣйствительности. Работа надъ нею дѣлалась легче для слабой мысли. Образъ помогать памяти удерживать то, что безъ

него улетучилось бы изъ головы; образъ освѣцать понятіе особепнымъ покореніемъ и давалъ ему прозрачность; образъ оживлялъ понятіе и помогалъ открыть въ немъ такія стороны, такія сами по себѣ не произвели бы впечатлѣнія на душу, не отличающуюся тонкостію воспріятія. Можно ли теоретическими основаніями такъ сильно и живо доказать милосердіе Божіе къ падшему грѣшнику, какъ доказываютъ это притчи о пастырѣ, потерявшемъ одну овцу и оставившемъ девяносто девять для того, чтобы сыскать одну потерянную, о жемчѣ, имѣвшей десять драхмъ, потерявшей одну и употребляющей все старанія, чтобы сыскать потерянную драхму, или наконецъ притча о блудномъ сынѣ? Холодно и безучастно будутъ слушать умное разсужденіе, если оно путемъ логическаго доказательства захочетъ убѣдить въ той истинѣ людей, не привыкшихъ къ тяжелымъ размышленіямъ. Въ мысли у нихъ всегда будетъ нѣкоторая неясность и темнота; логическое слово не будетъ имѣть впечатлительности. Но является образъ, высказывается притча на ту тему,—въ чловѣкѣ оживаетъ холодное представленіе; какъ будію молнія, этотъ образъ освѣщаетъ темную область мысли; ее освѣжаетъ радость духовнаго пріобрѣтенія; движеніе сообщается чувству, которое не остается спокойнымъ и безучастнымъ при мгновенномъ уясненіи трогательной истины. И душа вся волнуется отъ новой силы, на нее набѣжавшей, и, усвоивъ себѣ эту силу, получаетъ новую энергію, распространяющуюся по всему ея существу. Возьмите другія темы: если вы будете доказывать, что нужно всегда быть бдительнымъ въ ожиданіи грядущаго суда Божія, ваши доказательства не оставятъ такого слѣда въ умѣ слушателей, и не сатрокутъ такъ его, какъ дѣлаетъ это притча о десяти дѣвахъ, въ рельефномъ образѣ передающая глубокую истину, или притча о рабахъ, ждущихъ своего господина (Лув. XII, 36—40). Или припомните притчу

о должникахъ и заимодавцахъ: въ образѣ должника, должника господу своему тмою таланты, и испросившаго себѣ прощеніе и отпущеніе долга у своего заимодавца, и потомъ мучившаго клеветета своего, должника ему стоишь пѣннзъ, и не хотѣвшаго смирловаться надъ его слезами и воплями, и чрезъ то потерявшаго выпрошенное прощеніе и преданнаго мучителямъ, не, силыиѣ ли и не поразительиѣ ли всѣхъ разсужденій передается та истина, что намъ нужно прощать грѣхи своихъ ближнихъ, если мы хотимъ заслужить милосердіе у своего Господа (Мате. XVIII, 23—35)? И каждый разъ, когда вспоминается этотъ образъ, въ душѣ воскресаетъ нравственная истина со всею поразительностию и трогательностию ея содержанія, переданнаго въ глубоко-мудрой исторіи. Мы не хотимъ передавать всѣхъ притчей Господа Иисуса Христа въ поясненіе своей мысли объ ихъ дидактической плодотворности. Но нѣкоторыя изъ нихъ сами собою бросаются въ глаза своею выразительностию, своею содержательностию, своею силою впечатлѣвать въ памяти и заставлять удерживать въ ней многосложное ученіе, и въ то же время возбуждать судительную силу о немъ. Сколько нужно было длинныхъ разглагольствій, чтобы показать человѣку значеніе здѣшнихъ удовольствій и страданій и отношеніе ихъ къ послѣдней судьбѣ человека? Да и эти длинныя разглагольствія были бы сухи и не впечатлительны, если бы держались въ области теоретической силлогистики. Но явилась притча о богатомъ и Лазарѣ, и богатая назидательная мысль цѣлыа вѣка и тысящелѣтій не находитъ лучшаго выраженія, краткаго, но полнаго, понятнаго для всѣхъ и въ то же время обнимающаго всю глубину и широту истины; въ этой исторіи поставлена на видный для всѣхъ и несокрушимый пьедесталъ нравственная идея, хотя предчувствуемая человекомъ, но не всегда имъ ясно и отчетливо сознаваемая. Или мысль о необходимости непрестанной

молитвы гдѣ находятъ для себя наиболѣе сильное доказательство, какъ не въ притчѣ о неправедномъ судіи, который Бога не боялся и людей не стыдился, и между тѣмъ не смотря на свое жестокосердіе уступилъ неотступнымъ мольбамъ бѣдной вдовы, исъавшей у него защиты отъ соперника своего, дабы она не трудила его? Помня этого судію неправеднаго, каждый вѣрующій съ надеждою въ скорби повторяетъ слово Спасителя: *Богъ же (милосердый) не имать ли сотворити отмщеніе избраннымъ своимъ, возмущивъ къ Нему день и ночь, и долготерпѣя о нихъ* (Лук. XVIII, 7)? Иудеи узко и неправильно понимали заповѣдь о любви къ ближнимъ. Какъ дѣйствовать учителю на людей, видѣвшихъ ближняго своего только въ своемъ единоплеменникѣ, и утвердившихся въ своемъ предубѣжденіи? Чѣмъ сражать это предубѣжденіе? Сколько времени нужно было употребить на это? И какія основанія выискивать для того, чтобы заставить предубѣжденныхъ людей съ любовію относиться ко всѣмъ людямъ? Божественный Учитель употребляетъ для этого немного словъ: Опъ рассказываетъ притчу о чловѣкѣ, попавшемся разбойникамъ и о дружескомъ самарянинѣ, обязавшемъ раны того несчастнаго, мимо котораго равнодушно прошли священникъ и левитъ, привезшемъ его въ гостиницу и поручившемъ гостиннику заботиться о немъ. И заповѣдь о любви къ ближнимъ разъясняется во всей своей широтѣ въ трогательномъ примѣрѣ, и невольный укоръ чувствуетъ въ своемъ сердцѣ каждый, уклонившійся отъ исполненія широкой заповѣди о любви. Можно ли лучше и живѣе представить ученіе о любви къ ближнему? И въ теченіе вѣковъ чьи сердца не содрасались и не впрошались любовію къ страдающимъ братьямъ при чтеніи и слушаніи притчи о чловѣкѣ, впадшемъ въ разбойники? Другой образъ рѣчи въ этомъ случаѣ былъ бы, кажется, слабъ и не производилъ бы такого скограо дѣйствія, какое производитъ сейчасъ упомянутая притча.

Еще одно полезное дѣйствіе производили и способны производить донынѣ притчи Спасителя. Онѣ не только заохочивали народъ къ слушанію слова Божія занимательностію внѣшней постановки предмета, не только помогали уясненію отвлеченныхъ духовныхъ понятій наглядностію образной формы, ихъ представляющей, но и возбуждали работу и самодѣятельность мысли, способствовали раскрытію чувства истины, такъ необходимому для полного усвоенія религіознаго ученія. Этому служила та прикровенность приточнаго ученія, которая не разъ приводила въ недоумѣніе учениковъ Спасителя и заставляла ихъ спрашивать Его, зачѣмъ Онъ притчами, а не явно говоритъ народу.

Притчи, какъ бы ни были ясны и наглядны сами въ себѣ, и какимъ бы прозрачнымъ колоритомъ ни освѣщали обсуждаемыя вещи, сами въ себѣ все таки были не собственными выраженіями. Онѣ не прямо указывали и живописали предметъ, а какъ бы стороною подводили къ нему, и, кромѣ того, будучи самостоятельными цѣлыми въ своемъ образномъ строѣ, часто привлекали слушателей къ самостоятельно-развитому образу, и за этимъ образомъ не давали видѣть то, что подъ нимъ скрывается. Иногда нарочно одеждою образа притчи прикрывалъ Спаситель святую истину, и многимъ слушателямъ притчи казались не яснымъ внутренней смыслъ ея. Такихъ притчей, полуоткрывающихъ только истину, довольно между сохранившимися до насъ въ Евангеліи. Объ нихъ, объ ихъ содержаніи говорилъ Господь Иисусъ Христосъ: *не можете носить мыши; возыщу вамъ ослъ*, или: *Духъ Святый научитъ вы всему*. Цѣлесенія этихъ притчей просили у Него Его ближайшіе ученики, и, изъясняя ихъ по просьбѣ учениковъ, Господь прибавлялъ: *вамъ дано есть разумѣти тайны царствія Божія, оныя же (т. е. всему народу) въ притчахъ*. Прикровенность прикровеннаго ученія была въ этомъ случаѣ какъ бы

будильникомъ для религіознаго сознанія и для благочестиваго размышленія. Если оно падало на души людей, вынуждая религіознаго наставленія и расположенныхъ къ принятію его, то тотчасъ же производило въ нихъ сильное напряженіе мысли. Слыша содержательное ученіе, но не постигая его, они старались проникнуть въ глубину его, вникали въ него, подходили къ предмету его съ разныхъ сторонъ, чтобы вполне усвоить его. Наглядный образъ помогать имъ удерживать въ головѣ то, чего они не поняли ясно, и они послѣсь съ ними до тѣхъ поръ, пока они не переставали быть для нихъ въ какомъ либо отношеніи загадкою. Певѣтно, какъ сильно загадка будить мысль добиться ея разрѣшенія. Это стремленіе къ разрѣшенію загадки находить свое мѣсто и при слушаніи помянутой притчи. Если у человѣка, интересующагося истиною, и не найдется собственной силы къ уясненію таинственныхъ сторонъ притчи, онъ обратится за совѣтомъ и помощію къ другому, и не успокоится доколѣ, пока не выразумѣетъ того, что сказано ему. Такъ ученики Спасителя, когда слышали отъ Него въ бесѣдахъ къ народу невразумительныя притчи, выжидали случая для особенной нарочитой бесѣды съ нимъ, и просили Его выяснить имъ то, что имъ казалось непонятнымъ. И Спаситель послѣ этого, т. е. послѣ усиленныхъ стремленій къ уясненію прикровеннаго ученія, говорилъ имъ: вамъ (какъ людямъ, усиливающимся выразумѣть неясное) дано разумѣть тайны царствія Божія. Даже если бы въ короткое данное время не нашлось желаннаго разрѣшенія некоей истины, на доброй почвѣ она не умерла бы, облеченная въ образъ, а отъ постепеннаго размышленія постоянно раскрывалась бы и при благопріятныхъ обстоятельствахъ непременно освѣтилась бы яснымъ пониманіемъ.

Эта работа углубленія въ предметъ, работа самодѣтельнаго усвоенія предлагаемаго ученія имѣетъ очень важное

значение въ дѣлѣхъ религіозной христіанской истины. Ученіе Христово не было мертвымъ словомъ, и божественный Учитель, проповѣдая слово истины, искалъ не одного страдательнаго усвоенія ея: такое усвоеніе было бы не крѣпко и бесплодно. Онъ хотѣлъ, чтобы слово истины, Имъ проповѣдуемой, вошло въ плоть и кровь Его слушателей, сдѣлалось частію ихъ живаго духовнаго существа и, какъ прививокъ хорошаго дерева, измѣнило недоброкачественные соки ихъ внутренней природы въ доброкачественные. Для этого именно нужно было возбужденіе самодѣятельной работы души: иначе самое животворное начало, вошедши въ сухую природу, лишенную энергіи движенія, и не нанедаши въ ней откликна на свое возбужденіе, иссаяло бы и замерло бы въ ней. Спаситель сравниваетъ свое ученіе съ сѣменемъ, бросаемымъ въ землю (Матѣ. XIII, 24). Чтобы сѣмя отродилось и сдѣлалось растеніемъ, нужно для него приготовить болѣе или менѣе удобренную почву, способную воспринять ввергаемое въ нее сѣмя и дать пищу и опору его растительной силѣ. Если сѣмя падеть на почву не приготовленную, каменистую и сухую,—оно погибнетъ въ ней и не дастъ ростка. Нѣкоторая загадочность или сокровенность приточнаго изложенія была, такъ сказать, однимъ изъ средствъ удобренія духовной почвы: она поднимала на работу дремавшія въ ней добрыя силы, давала ходъ гложимымъ въ ней живымъ элементамъ, и воспріемлемость страдательную претворяла въ воспріемлемость дѣятельную.

Обыкновенному разсчету были непонятны соображенія божественной мудрости, сятавшей нужнымъ облекать полутанщественнымъ покровомъ святую истину. Добрымъ желаніямъ простоты казалось лучше и цѣлесообразнѣе говорить о предметахъ богословія прямо и открыто, чѣмъ прибѣгать къ загадочнымъ притчамъ. Тогда (думалось людямъ) съ-разу всё уразумѣли бы смыслъ ученія, преподаваемаго Господомъ, и

напрасно не терялось бы то слово, которое при современном смысле притчи пропало отъ непонятливости слушателей. Отсюда родъ мягкаго упрека или недоумѣнія слышится въ словахъ учениковъ Спасителя: *почто притчами глаголетимъ имъ*, т. е. народу (Матѳ. XIII, 10)? На это недоумѣніе Спаситель замѣтилъ своимъ ученикамъ, что въ мірѣ нравственной дѣятельности не все опредѣляютъ собою добрыя желанія, и что не съ ними одними нужно сообразоваться дѣятелю, призванному углублять нравственный бытъ человечества. Кромѣ добрыхъ желаній, кромѣ мудрости Учителя, здѣсь многое зависитъ отъ воспріемлемости слушателей. Въ комъ не было этой воспріемлемости, въ комъ не раскрыто было чувство истины и чувство божественнаго, для тѣхъ все равно осталось бы безплоднымъ слово божественной мудрости, какъ бы оно ни предлагалось, въ формѣ ли притчи, заставляющей вдуматься въ себя для полнаго уразумѣнія, или въ формѣ прямаго не прикровеннаго ученія. И простое неприкровенное ученіе истины прошло бы мимо головы такихъ людей и не задерживалось бы въ ней, если въ ней нѣтъ соприкосновенныхъ притягивающихъ элементовъ, оставивъ ихъ въ такомъ случаѣ безотвѣтными предъ судомъ правды Божіей за отверженіе таланта, имъ предлагаемаго. Притча по крайней мѣрѣ задавала вопросъ, прямо вызывающій мысленную работу, и силою этого вопроса она хотѣла удерживать сѣмя истины на ночѣ, не приготовленной къ ея принятію. Если бы слушатели ея хотѣли выскунуть въ силу этого вопроса, еслибы ощутили толчокъ, данный этимъ вопросомъ, для нихъ тотчасъ же сталъ бы открываться мало по малу внутренній смыслъ приточнаго ученія, какъ онъ открывался для ближайшихъ учениковъ Господа, имѣвшихъ сердце, открытое для вещей божественныхъ. Такимъ образомъ кто не понималъ притчи Спасителя, — не понималъ потому, что не хотѣлъ пойти, не имѣвъ внутрен-

ного расположенія къ принятію содержащагося въ нихъ ученія: притча залегла въ его памяти и замерла. А у него было живое чувство истины, для тѣхъ притча оказывалась производительнымъ сѣменемъ, и сокрытое подъ формою притчи, прежде неясное, со временемъ разъяснялось и усваивалось жаждущей душѣ. Таковъ законъ нравственной жизни, что все вышнее тогда только дѣйствуетъ на человѣка и усваивается имъ, когда есть внутренний дѣятельный откликъ на вышнее возбужденіе; и самое могущественное вліяніе сторонней силы не достигаетъ въ нравственномъ мірѣ своей цѣли, когда на него не отвѣчаетъ свободная воля человѣка. Таковъ смыслъ и мѣють слова Господа Іисуса Христа, данныя для успокоенія учениковъ Его, не понимавшихъ, зачѣмъ Онъ говорить прикровенными притчами. *Иже вамъ дано есть разумѣти тайны царства небеснаго, оныя же не дано есть. Иже бо имать, дается ему, и преизобудеть ему: а иже не имать, и сже имати, возмется отъ него. Сего ради въ притчи съ глаголю имъ, яко видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ. И обываетъ съ нѣмъ пророчество Исайино, глаголющее: слышати услышите, и не имате разумѣти: и зрите узрите, и не имате видѣти. Омогостъ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжело сташа, и очи свои стѣжаша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумеютъ, и обратятся и исцѣлю ихъ. Ваша же блаженна очеса, яко видѣти, и уши ваши, яко слышатъ (Матв. XIII, 11—17).*

Наконецъ притчи въ ученіи Спасителя оказывались нужными для сообщенія мягкости жесткимъ истинамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ предубѣжденіями и предрассудками народа или съ желаніями и надеждами самообольщеннаго самолюбія: прикрывая образомъ или несобственнымъ выраженіемъ неумолимую правду и не поражая съ-разу непривычнаго къ ней

глаза, онѣ замедляли дѣйствіе правды, колющей глаза, и тѣмъ уменьшали ея рѣзкость и горечь. Черезъ это устранялось то отталкивающее впечатлѣніе, какое способна производить неожиданная и нежеланная правда на загрубѣлыя или самолюбивыя сердца, и эти сердца околичными занимательными разсказами неясныхъ съ перваго раза притчей неволью притягивались къ слушанію неприятныхъ, не мирящихся съ ихъ настроеніемъ, вещей. Между тѣмъ какъ въ своемъ прямомъ видѣ эти вещи едва ли бы могли быть выслушаны охотно и миролюбиво.

Мы замѣчаемъ, что Господь Іисусъ Христосъ любилъ облекать въ образы притчей ученіе о своемъ духовномъ царствѣ. Здѣсь дѣйствовали не одинъ тотъ расчетъ, что до пониманія духовнаго царства Христова не доросли Его слушатели, и потому разными сравненіями и аналогіями нужно было постепенно вести къ истинѣ ихъ плотяное разумѣніе. Предразсудки народныя, въ которыхъ выросли и погрязли іудеи, воспринимавшіе ученіе Христово, въ этомъ случаѣ вынуждали у Него прикровенную форму притчей. Ожиданія, съ какими іудеи относились къ Мессіи, насквозь проникнуты были темною чувственностію. Іудеи надѣялись, что Мессія, когда явится, освободитъ ихъ отъ иноплеменнаго ига и оснуетъ царство, въ которомъ они будутъ блаженствовать, жить въ довольствѣ и роскоши, и въ которое, въ качествѣ рабовъ и служителей ихъ, войдутъ все народы земныя. Если бы Спаситель сказалъ имъ прямо и рѣшительно, что совсѣмъ не этого они должны ожидать отъ Него, и что напротивъ Его послѣдователямъ будетъ угрожать огонь и мечъ, бѣдность и гоненіе, едвали бы они захотѣли слушать Его и едвали бы стали имѣть въ Него вѣру. Евангелистъ Іоаннъ замѣчаетъ,

что многие из учеников Его отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ (Іоан. VI, 66), когда услышали отъ Него прямую рѣчь, и Спаситель увидѣлъ силу и общность этого впечатлѣнія, и потому и къ двѣнадцати избраннымъ ученикамъ своимъ обратился съ вопросомъ: *не хотите ли и вы отойти* (Іоан. VI, 67)? Другой разъ, когда Господь излагалъ ученіе объ истинной свободѣ,—свободѣ отъ грѣха и добровольномъ страданіи своемъ за людей, іудеи замѣтили Ему: *самарянинъ еси Ты, и бѣса имамъ* (Іоан. VIII, 48); *бѣса имать и неистовъ естъ: что Его послушаете* (Іоан. X, 20)? Они даже взяли камни и хотѣли побить Его, и когда Спаситель спросилъ ихъ: *за кое дѣло камнѣи мечете на Мя?* отвѣчала: *о добръ дѣльмъ каменіе не мечемъ на Тя, но о хумъ: яко Ты человекъ съи творещи Себе Бже* (Іоан. X, 32—33).

Основанія, заставлявшія Спасителя цѣлѣустремленно налагать ученіе о духовномъ характерѣ основываемаго Имъ царства предъ слухомъ предубѣжденныхъ людей, еще болѣе имѣли мѣста, когда нужно было Ему сдѣлать обличеніе или преподавать назидательный урокъ гордости и ослѣпленію Его сильныхъ и ожесточенныхъ враговъ. Въ этомъ случаѣ Его божественная мудрость какъ бы предугадала послѣдующимъ учителямъ церкви тотъ методъ или тотъ путь, какой удобнѣе всего и пригоднѣе для цѣли, когда нужно бороться съ пороками знатныхъ, родовыхъ не дозволивъ открытаго слова обличителю, хотя бы онъ облеченъ былъ полномочіемъ церкви, и отвѣчающихъ гордымъ невниманіемъ или прямымъ игнорированіемъ, когда назидаше является предъ ними съ жестокимъ, колючимъ словомъ простосердечнаго неумѣлаго порицанія. Книжникамъ и фарисеямъ, надменнымъ своимъ знаніемъ закона и своею святостію, считавшимъ себя избранными изъ

избранных, говорить Спаситель въ притчѣ слово обличенія: они слушаютъ притчу, еще не зная, къ чему она поведетъ; потому они чувствуютъ, что притча полна горькаго обличенія, и что это обличеніе касается прямо ихъ и народа, имъ руководимаго; но чувство приличія не позволяетъ имъ выступить на открытую борьбу съ мудрымъ обличителемъ, и паязданіе выслушивалось до конца и всюю силою ложилось на то сердце, къ которому было обращено, и только ожесточеніе могло препятствовать ему воспользоваться урокомъ, такъ мудро ему предложеннымъ. Читайте притчи о двухъ сынахъ, посланныхъ въ виноградникъ (Матѣ. XXI, 28—33), о господинѣ, насадившемъ виноградникъ и пославшемъ къ виноградарямъ сначала своихъ слугъ, а потомъ и сына своего (Матѣ. XXI, 33—44), о человекѣ, сотворившемъ брачное пиршество и пославшемъ рабовъ приглашать гостей на это пиршество (Матѣ. XXII, 1—14): въ нихъ такое сильное и горькое обличеніе, какого ни отъ кого, кромѣ Спасителя, не слышали іудейскіе книжники и начальники. Между тѣмъ они съ замѣтнымъ вниманіемъ выслушивали притчи, рядомъ слѣдовавшія одна за другою, сами высказали приговоръ, заслуженный ими, когда Спаситель спросилъ ихъ, что сотворить господинъ винограда злымъ дѣлателямъ его (Матѣ. XXI, 41),—и уже не мудрость Учителя виною, если за всѣмъ тѣмъ урокъ остался безъ плода для нихъ. Евангелистъ, передавая эти притчи, замѣчаетъ, что первосвященники и фарисеи поняли, что Онъ объ нихъ говоритъ, и старались схватить Его; но побоялись народа, потому что Его почитали за пророка (Матѣ. XXI, 45—46). Доказательствомъ плодотворности такого рода обличенія, если оно падаетъ не на ожесточенныя души, служить примѣръ Наана, представшаго къ Давиду

съ жалобою на богача, который будто похитилъ у бѣдняка послѣднюю овцу. Не подозрѣвая ничего, царь Давидъ съ гнѣвомъ признаетъ этого богача достойнымъ смерти. Тогда Наанъ открываетъ разгнѣванному царю прямой смыслъ своего разсказа, и въ Давидѣ заговорила спавшая совѣсть, и для исторіи явился въ немъ образецъ рѣдкаго покаянія.

(Ожогъ чаіе будетъ).

В. Пшоничкій.

Образъ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, какъ учителя.

(Окончаніе).

VI. Въ притчахъ мы указали одну изъ главныхъ характеристикныхъ чертъ, отличающихъ способъ ученія Спасителя отъ нашего обыкновеннаго образа рѣчи. Мы говорили о нихъ не только для того, чтобы выяснить свойства божественнаго учительства, но еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы дать поводъ людямъ, приставленнымъ къ дѣлу учительства, подумать о томъ, нельзя ли имъ усвоить чего для своей практики изъ высокаго божественнаго образца. Это желаніе практическихъ примѣненій той методы, какая усматривается нами въ учительской дѣятельности Господа Иисуса Христа, руководить нами, когда мы смѣлою рукою разчленяемъ и анализируемъ цѣльный высокій образъ.

Переходя къ другимъ частностямъ, видимымъ въ этомъ образѣ, мы скажемъ благоговѣйному дѣятелю церковнаго слова, желающему учиться плодотворной практикѣ изъ примѣра небеснаго Учителя, что онъ не долженъ ограничиваться одними нарочитыми, торжественными изложеніями своего ученія, но обязанъ пользоваться всякими, повидимому самыми мелкими случаями для сообщенія своихъ назиданій нуждающимся въ нихъ. Ученіе Спасителя не все и не единственно заключается въ длинныхъ, нарочитыхъ бесѣдахъ. Значитель-

*

ная часть его содержится въ случайныхъ выраженіяхъ, сказанныхъ какъ бы мимоходомъ, по вызову того или другаго, нечаянно встрѣтившагося, обстоятельства. Каждый вѣрующій христіанинъ съ услажденіемъ читаетъ и воспоминаетъ такія многосодержательныя рѣчи, богатая самымъ чистымъ правдоученіемъ, какою служитъ нагорная бесѣда; всякій съ удивленіемъ и полнотою вѣры преклоняетъ свой умъ предъ тѣми возвышенными уроками богословія, какіе преподавалъ своимъ избраннымъ ученикамъ Господь нашъ, и какіе сохранены для насъ евангелистомъ Іоанномъ. Но память вѣры хранитъ не одни эти парочитые уроки, содержащіеся въ длинныхъ учительскихъ бесѣдахъ. Слово Спасителя принимало разнообразную форму явленія, и при этомъ разнообразіи случайныя выраженія, обязанныя своимъ происхожденіемъ какому либо неожиданному толчку, занимаютъ въ немъ очень видное мѣсто. Народная мудрость часто создаетъ и пускаетъ въ оборотъ полновѣсныя выраженія, мѣтко и рельефно представляющія какую либо сторону нравственной человѣческой жизни. По своей мѣткости обозначенія вещи, по силѣ мысли, нашедшей для себя рельефную наглядную форму, такія выраженія получаютъ желѣзную вѣковѣчную твердость, и переходятъ изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, столѣтія служа для безчисленнаго множества частныхъ лицъ готовымъ правиломъ и вывѣскою народной мудрости. Такимъ неизгладимымъ выраженіямъ, запечатлѣннымъ силою народнаго генія, подобны многія краткія присловія, сказанныя Спасителемъ въ отвѣтъ на какой либо вопросъ или въ разъясненіе какого либо обстоятельства. При всей своей краткости, они полны неизчерпаемой глубины и какъ бы однимъ движеніемъ мастерской кисти рисуютъ и наглядно представляютъ предъ нами нравственную жизнь на значительной широтѣ ея проявленія, со множествомъ сложныхъ отношеній, до мѣткого и мудраго

слова не ясныхъ для обыкновеннаго ума. При всей случайности и внезапности своего происхожденія, они съ-разу получаютъ несокрушимость, по причинѣ разительной силы мысли, умѣвшей заключить широкое содержаніе въ двухъ-трехъ словахъ. Воображеніе слушателей поражается глубиною пониманія и мѣткостію представленія; ему чувствуется, что слова божественнаго Учителя именно тѣ слова, какихъ оно искало, чтобы выразить извѣстное правило или уяснить извѣстное отношеніе вещей,—искало, но не находило. Слыша ихъ въ первый разъ, оно встрѣчаетъ ихъ какъ нѣчто родное, что давно носилось предъ нимъ, но чего оно какъ-то не умѣло уловить; оно радуется, какъ своей находкѣ, явленію предъ нимъ новаго, сильнаго и мѣткаго выраженія, безъ труда уносящаго смутную область его представленій, крѣпко хватается за него и хранитъ его, какъ святыню. Одна группа,— группа непосредственныхъ слушателей передаетъ умное и мѣткое присловье другой группѣ,—и эта встрѣчасть его съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и первая, и разъ услышавши его, не хочетъ разстаться съ нимъ, какъ съ своимъ старымъ, но вновь найденнымъ и незамѣнимымъ сокровищемъ. И случайное выраженіе, отмѣченное силою ясности и глубины божественнаго ума, пошло жить во вѣки вѣковъ, оживая въ памяти людей, поколѣній и народовъ всякій разъ, когда нужно бываетъ человѣку опредѣлять предметы или отношенія, подпавшія наблюденію божественнаго ума. Какъ маякъ, освѣщающій темное море неизвѣстному путнику,—божественное слово: оно стоитъ надъ уровнемъ нашего обыкновеннаго шаткаго пониманія, освѣщаетъ путь-дорогу нашей мысли,—и смотря на него или вспоминая его, избѣгаетъ опасныхъ блужданій; избѣгаетъ напраснаго труда исканія добраго пути тотъ, кто безъ этого указателя не зналъ бы, куда идти и чѣмъ руководить себя. Теперь горитъ возженное Спасителемъ

слово,—смотри на него, и предъ тобою освящаются нравственные пути твоей жизни. Въ евангельскихъ присловіяхъ несокрушимой твердости еще больше, чѣмъ въ народныхъ пословицахъ и присловіяхъ. Эти,—порожденія народнаго гения,—обыкновенно сливаются съ языкомъ и живутъ въ предѣлахъ одного языка и одного народа, пока только живъ этотъ народъ и пока онъ говоритъ своимъ языкомъ. Но евангельскія изреченія, запечатлѣнные силою божественнаго Духа, переходятъ за предѣлы одного языка и одного народа: они падаютъ въ душу глубже, чѣмъ явленія языка, отличающія одинъ народъ отъ другаго, и утверждаются тамъ, гдѣ находится начало нравственности и челоѣчности, общее людямъ всѣхъ націй и племенъ. Отъ того они являются достояніемъ всѣхъ народовъ и не умрутъ дотолѣ, пока живетъ христіанство и челоѣчество. Они—законъ и руководство для всѣхъ временъ и націй, и потому всѣ языки даютъ имъ красное мѣсто въ ряду своихъ неизблемыхъ руководственныхъ выраженій, вносящихъ ясность и силу въ мысль народа.

Мудрыхъ изреченій Господа Иисуса Христа, имѣющихъ значеніе твердыхъ неизблемыхъ формулъ и руководственныхъ правилъ нравственнаго сознанія челоѣчества, весьма много хранить благоговѣйная память христіанской вѣры, и почти всѣ они сказаны были по случайному вызову, всѣ какъ бы мгновеннымъ блескомъ молніи освѣтили темную сферу челоѣческой мысли. Говорятъ Ему, что Его ожидаютъ и ищутъ внѣ храма Его мать и братья, и Онъ въ отвѣтъ на это спрашиваетъ: кто мать моя и братья мои? И потомъ, посмотрѣвъ на сидящихъ вокругъ Себя, говоритъ: *Се мати моя и братья моя: иже бо аще сотворитъ волю Божію, сей братъ мой и сестра моя и мати ми есть* (Марк. III, 34. 35). Встрѣчаетъ Спасителя въ своемъ домѣ нѣкая жена Марѳа, хлопочетъ объ Его угощеніи, и видя сестру свою съ внима-

ніемъ принадлею къ ногамъ Его и слушающею Его слово, просить Его сказать сестрѣ, чтобы она помогла ей. И кто не помнитъ мудраго отвѣта Спасителя на эту просьбу? Какъ часто пользовались и пользуются имъ люди разныхъ племенъ и вѣковъ въ разъясненіи недоумѣній, вызываемыхъ нашими будничными заботами? Сколько поученій писано на слова: *Марѳо, Марѳо, печешься и мольщиши о мнози: едино же есть на потребу, Марія же благую часть избра, яже не отыметъ отъ нея?* (Лук. X, 41. 42). Видитъ Спаситель, какъ въ сокровищницу храма кладутъ богатые люди дары отъ имѣній своихъ, и какъ подходитъ къ ней бѣдная вдова, которая кладетъ двѣ лепты, т. е., двѣ мелкія монеты. Онъ не пропускаетъ этого случая, чтобы сказать народу нужное назиданіе, и говорить: *воистину глаголю вамъ, яко вдовица сія убогая множае всѣхъ вверже: вси бо сіи отъ избытка своего ввергоша въ дары Божии: сія же отъ лишенія своего все житіе, еже имѣ, вверже* (Лук. XXI, 3. 4). Вослицаетъ одна жена, восхищенная сладостію ученія Спасителя: *блаженно чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссала*. Господь эту похвалу доброй женщины обращаетъ въ назиданіе всѣхъ, говоря, какъ бы въ отвѣтъ на это: *тѣмъже блаженни слышащии слово Божіе и храняще е* (Лук. XI, 27. 28). Или видитъ Господь дитя предъ собою, поставляетъ его предъ окружающими Его учениками и говорить: *аще не обратитесь и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное* (Матѳ. XVIII, 3). Или припомните изреченія: *воздадите кесарева кесареви и Божія Божии* (Матѳ. XXII, 21)... *Еже Богъ сочета, человекъ да не размучаетъ* (Матѳ. XIX, 6). *Удобѣе есть велбуду сквозь илгину уши проити, неже богату въ царствіе Божіе вѣити* (Матѳ. XIX, 24).. *Дондеже преидетъ небо и земля, дондеже єдина или єдина черта не преидетъ отъ закона, дондеже вся будутъ* (Матѳ. V, 18) и проч.. Всѣ эти выраженія

адамантовой крѣпости и солнечнаго блеска. Не легко простому обыкновенному уму съ подобною еялюю и мѣткостью выражать внутреннее содержаніе нашей мысли, на память и поученіе вѣкамъ и народамъ. По крайней мѣрѣ пусть каждый, призванный къ церковному учительству, подобно лучшему и единственному Наставнику всѣхъ, пользуется всякимъ случаемъ для того, чтобы сообщать полезное назиданіе людямъ, ядущимъ отъ него этого назиданія.

VII. Есть чему поучиться у Господа Иисуса Христа, въ записанныхъ Его бесѣдахъ, и касательно употребленія св. Писанія. Учителю церкви необходимо постоянно обращаться къ книгамъ св. Писанія; потому что оиѣ основаніе нашей вѣры, главный авторитетъ, которымъ мы должны повѣрять предъ собою, доказывать и утверждать предъ другими свое ученіе и пониманіе истины. Между тѣмъ какъ часто злоупотребляютъ словомъ Божиимъ, и неумѣлыми руками обращаются съ этою драгоценною святынею! Между современными Спасителю учеными іудеями были пустые схоластики-буквалисты, хвалившіеся знаніемъ того, сколько разъ въ Библии или какой либо книгѣ Писанія повторяется извѣстная буква, и въ подобныхъ мелочахъ заключавшіе всю глубину изслѣдованій о св. Писаніи. Были философы-аллегористы, не довольствовавшіеся прямымъ и яснымъ словомъ Писанія, но искавшіе въ немъ особаго таинственнаго смысла: увлеченные духомъ греско-восточной еесофіи, они старались сблизать съ своими философскими убѣжденіями содержаніе богооткровенной книги, или, скорѣе, подчинять его своимъ философскимъ умствованіямъ, и аллегорія у нихъ являлась средствомъ, какъ пельза болѣе пригоднымъ для этой цѣли; посредствомъ нея, какъ посредствомъ какого волшебнаго жезла, они умѣли извлекать изъ текстовъ Писанія всякую мысль, какая только была имъ нужна,

и въ святое слово Библіи не затруднялись вмагати игривые помыслы своей самонадѣянной философіи, насыщенной духомъ языческаго эллинизма. Были наконецъ между ними люди преданій, разросшихся въ цѣлыя своды правилъ: они не хотѣли и не могли прямо пользоваться тѣми уроками, какіе дасть слово Божіе. Обычаи и предубѣжденія, нажитыя вѣками и подкрѣпленныя сомнительными авторитетами, заслонили отъ ихъ глазъ первоначальный и подлинный свѣтъ божественнаго откровенія, и они приступали къ чтенію и изученію Библіи съ готовыми толкованіями, не вводящими въ духъ Писанія и въ святилище истины, а скорѣе отводящими разумѣніе чело-вѣка отъ прямиаго пути къ истинѣ. Въ этихъ толкованіяхъ много было то затѣйливыхъ, то смѣшныхъ и пустыхъ, то тяжелыхъ и излишнихъ правилъ и положеній; такія правила и положенія кучею нарастали въ жизни поколѣній, и такъ какъ ихъ порождалъ не духъ истины, вѣющій въ Писаніи, а произвольныя мысли, часто темной, то изъ нихъ образовалась нестройная масса, давившая умы, но не дававшая имъ руководительной нити, чтобы выдти на свѣтъ Божій изъ того лабиринта, какой они образовали собою. И вотъ въ слѣдствіе этого между учителями іудейскаго народа, почивавшими на законѣ,² вѣлялись люди, по слову Спасителя, *неведущіе писанія, ни силы Божіей* (Матѣ. XXII, 29).

Господь Іисусъ Христосъ своимъ примѣромъ отвергалъ всѣ подобныя непрямыя отношенія къ книгѣ откровенія и ея содержанію, — и людямъ, не умѣвшимъ обращаться съ нею, показывалъ надлежащій способъ обращенія съ нею.

Въ Его устахъ часто слышались слова Писанія, въ поясненіе или подтвержденіе излагаемаго Имъ ученія, и всякій разъ эти слова были силою, освѣщающею темное сознаніе слушателей.

Когда нужно было Спасителю касаться св. Писанія и пользоваться имъ, Онъ прежде всего старался ввести слушателей или собесѣдниковъ своихъ въ духъ его, разъяснить существенное въ немъ, дать понять его цѣлость. Въ Его рѣчахъ никогда вы не замѣчаете, чтобы Онъ отягощалъ вниманіе слушателей множествомъ частныхъ правилъ, выведенныхъ изъ разныхъ мѣстъ св. Писанія, какъ дѣлали это книжники-фарисеи; напротивъ всѣ частности, которыя въ фарисейскомъ кодексѣ представлялись разбросанными, только внѣшне сопоставленными между собою, безъ внутренней связи между собою, Онъ сводилъ къ одному цѣлому, въ которомъ яснѣе видно ихъ значеніе и внутреннее соотношеніе между собою, прямо указывалъ источникъ, изъ котораго проистекаютъ разнообразныя ручьи, образующіе собою совокупность предписаній закона. И послѣ этого для самаго простаго разумѣнія дѣлается ясною та широта закона, на которой такъ часто блуждаютъ, не приходя къ цѣли, и ученые умы, потерявшіе прямой путь къ истинѣ. Не разъ Спаситель, для разумленія слушателей своихъ, въ трехъ, четырехъ словахъ указывалъ, въ чемъ состоитъ сущность закона и пророковъ, т. е., всего св. Писанія. Однажды спросилъ его одинъ законникъ, воспитанный въ преданіяхъ фарисейскихъ: какая самая большая заповѣдь въ законѣ? Въ отвѣтъ на это Господь сказалъ: *возлюбилъ Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею мыслию твоею: сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбилъ искренняго твоего, яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдью весь законъ и пророцы висятъ* (Матѣ. XXII, 37—40). Въ другой разъ, разъясняя существенныя требованія ветхозавѣтнаго закона, въ такъ называемой нагорной бесѣдѣ, Онъ приводитъ ихъ къ одному понятному началу: *вся, елика аще помете, да творятъ вамъ челоувѣцы, тако и вы творите*

имъ: *се бо есть законъ и пророцы* (Матѣ. VII, 12). Всѣ подобныя выраженія не зажигаютъ ли свѣта въ простомъ разумѣннѣи, приступающемъ къ слову Божію съ яснымъ желаніемъ назиданія? И послѣ этого руководственнаго указанія, не яснѣе ли людямъ становится все то, что потомъ они будутъ встрѣчать на страницахъ Библіи или слышать изъ устъ разныхъ учителей? Кто хочетъ быть понятнымъ и плодотворнымъ учителемъ, для простыхъ людей, тому именно нужно стараться первѣе всего кратко и ясно указать сущность того, что отъ нихъ требуется: послѣ уясненія главнаго, они уже не будутъ затрудняться уразумѣніемъ мелкихъ частности.

Замѣьте еще особенность въ способѣ толкованія Писанія Спасителемъ, при назидательныхъ бесѣдахъ Его съ народомъ. Какъ мудро Онъ людей, слѣпо и безъ размышленія привязанныхъ къ буквѣ, доводилъ до пониманія того духа и содержанія, какое въ ней заключалось. Для этого Онъ во-первыхъ неясное или неправильное пониманіе божественной заповѣди сопоставлялъ съ мѣстами Писанія, подрывающими это пониманіе. Такъ на примѣръ когда фарисеи, замѣтивъ, что ученики Спасителя въ субботу срывали колосья на полѣ и ѣли, говорятъ Ему, что этого, по ихъ правиламъ, не должно дѣлать въ субботу, Спаситель хочетъ расширить ихъ пониманіе закона указаніемъ на мѣста Писанія, не согласныя съ ихъ правилами. *Развѣ вы не читали* (говорить Онъ имъ), *что сдѣлалъ Давидъ, когда взалкалъ самъ и бывшіе съ нимъ? Какъ онъ вошелъ въ домъ Божій и ѣлъ хлѣба предложенія, которыхъ не должно было пѣть ни ему, ни бывшимъ съ нимъ, а только однимъ священникамъ? Или не читали ли вы въ законѣ, что въ субботу священники въ храмъ нарушаютъ субботу, однако невинны* (Матѣ. XII, 3—5)? Для этого далѣе Господь Иисусъ Христосъ любилъ приводить, какъ присловіе, слова Писанія, указывающія на существенное и главное въ

законъ, когда говорилъ съ людьми, рывшимися въ мелочахъ и полагавшимъ все благочестіе въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ и предписаній. Такъ часто повторялъ Онъ слова пророка Осіи: *милости хочу, а не жертвы* (Матѣ. IX, 13. XII, 7), и частымъ повтореніемъ этого пророческаго слова какъ бы будилъ мысль, почивавшую на буквѣ закона и заставлялъ ее вдуматься въ тѣ узкіе выводы, какими она ограничивала духъ закона. Наконецъ Спаситель обращался къ внутреннему голосу человѣческой души, и его свидѣтельство вызывалъ для того, чтобы возвести слушателей своихъ выше слѣпой привязанности къ буквѣ. Фарисеи какъ бы оцѣпенѣли въ тѣхъ механическихъ правилахъ, какимъ они подчиняли свою нравственную жизнь и жизнь всего народа. Въ этомъ подчиненіи обрядовымъ правиламъ замирали живыя требованія ихъ духа. Къ нимъ-то, къ этимъ гложимымъ требованіямъ обращался Господь и Учитель, когда хотѣлъ сообщить людямъ внутреннюю силу закона, и возбужденное сердце подсказывало человѣку тотъ смыслъ, какого дотолѣ онъ не замѣчалъ въ читаемой имъ буквѣ закона. Психологическій элементъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ средствахъ учительскаго дѣйствованія Спасителя. Онъ замѣтей на примѣрѣ въ нагорной рѣчи, когда требованіямъ ветхозавѣтнаго закона указывается то широкое значеніе, какое они должны были имѣть, и какого между тѣмъ они не имѣли у іудеевъ, не умѣвшихъ разбирать букву Писанія. И когда разъясняетъ Спаситель букву закона, плохо понятую фарисеями, Онъ ссылается часто на психологическіе мотивы, какъ видно и изъ общаго заключенія этого изъясненія: *вся, елика аще хотите, да творятъ вамъ челоуцы, тако и вы творите имъ* (Матѣ. VII, 12).

Любимою формою выраженія въ рѣчахъ Господа Іисуса Христа, при приведеніи свидѣтельствъ изъ св. Писанія, была

форма вопросительная. «Нѣсте ли чли въ законѣ? Не знаете ли, кто говоритъ Писаніе?» такими словами очень часто превращаетъ Господь вниманіе своихъ слушателей къ словамъ св. Писанія, когда по ходу рѣчи нужно было припомнить ихъ. Такая вопросительно-обращательная форма согласуется вообще съ методою ученія Спасителя, по которой Онъ не столько прямо излагаетъ положительное ученіе, сколько ведетъ къ нему чрезъ возбужденіе самодѣтельности духа Его слушателей. Призывалъ самихъ слушателей припомнить то, что въ Писаніи служитъ къ подтвержденію или изъясненію известной мысли, божественный Учитель очевидно такимъ обращеніемъ возбуждаетъ и усиливаетъ ихъ дѣятельное вниманіе къ предмету рѣчи, заставляетъ ихъ не просто воспринимать, содержаніе рѣчи, страдательно, ^{одною} жаматию, но и растворять его въ свою плоть и кровь посредствомъ размышленія. При томъ такіе обороты вносятъ въ рѣчь больше свободы и движенія, и служатъ свидѣтельствомъ установившихся живыхъ отношеній между учителемъ и его учениками или слушателями. Не вездѣ и не всегда обязательны такіе обороты рѣчи. ими предполагается въ слушателяхъ достаточное знакомство съ книгами св. Писанія; а это знакомство действительно въ каждомъ членѣ церкви. Гдѣ же нѣтъ такого знакомства, тамъ обстоятельства указываютъ другой образъ рѣчи, хотя и здѣсь желательна обращательная форма, способствующая возбужденію вниманія слушателей и помогающая учителю завязывать живую, непосредственную связь съ душою учениковъ.

5. «Прилагая приѣръ Господа Иисуса Христа, какъ образъ,» въ нашей проповѣднической практикѣ, мы не можемъ ~~заблудиться~~ и въ некоторыхъ видныхъ уклоненій отъ этого образца. Въ исторіи нашей проповѣди послѣднихъ лѣтъ, по отношенію къ употребленію св. Писанія, бросаются въ глаза два

противоположные направленія. Не так давно наши проповѣдники любили пестрить свою рѣчь заботливымъ нализываніемъ текстовъ: въ ихъ рѣчи непрерывно слышался текстъ за текстомъ; отдѣльныя выраженія вырывались изъ одной книги и склеивались съ отрывочными выраженіями другой книги; часто въ одной мысли или въ одномъ періодѣ спаивались усѣченныя выраженія изъ нѣсколькихъ мѣстъ и книгъ Библии, безъ вниманія къ той связи, каковую они имѣютъ въ логическомъ теченіи библейской рѣчи. За этою пестрою, составленною изъ кусковъ, рѣчью почти не видно было живаго слова, служащаго непосредственнымъ выраженіемъ убѣжденій и чувствъ проповѣдника. Какъ ни благовиденъ на вѣднѣшній взглядъ такой библеизмъ, но онъ не опирается на примѣръ нашего божественнаго Учителя: Господь Иисусъ Христосъ не такъ говорилъ и бесѣдовалъ, какъ проповѣдуютъ люди, гонящіеся за текстами для выраженія простыхъ своихъ мыслей, и старающіеся нализать ихъ какъ можно больше на тему своей проповѣди. Такой библеизмъ—дѣло механической работы: забота о немъ стѣсняетъ и подавляетъ живое естественное движеніе мысли и препятствуетъ сердцу свободно высказывать всю теплоту релігіозныхъ убѣжденій; а другому сердцу между тѣмъ можетъ говорить только живое бьющееся сердце, теплотою своихъ ощущеній согрѣвающее мертвыя слова. Чужія слова, взятая для выраженія мысли проповѣдника, какъ бы ни были тщательно выбраны, и изъ какой бы достойной книги ни были заимствованы, всегда напоминаютъ общія риторическія формулы,—это своего рода *loci communes*. И къ нимъ прибѣгаютъ обыкновенно, когда не говорятъ, а сочиняютъ проповѣдь; большею частію за богатымъ наборомъ библейскихъ фразъ скрывается скудость живой мысли и даже скудость библейскаго духа. Духовная сила, бьющаяся въ проповѣдникѣ, не станетъ гоняться за вѣднѣшностію библейскаго

выраженія, а скажется въ общемъ тонѣ рѣчи, въ нѣкомъ вѣяніи благоговѣнія, проникающемъ обыкновенное текучее слово. Не даромъ большая часть проповѣдей, отъ начала до конца испещренныхъ текстами, высматриваютъ такъ холодно, не выразительно и блѣдно, что почти не производятъ впечатлѣнія на слушателей или читателей. Господь Иисусъ Христосъ часто приводилъ въ своей бесѣдѣ слово Писанія, но приводилъ какъ свидѣтельство, какъ подтвержденіе или уясненіе своего ученія. Но при изложеніи ученія, Его святая мысль каждый разъ изъ глубины духа изводила съ собою свое слово, а не заимствовала его готовымъ отъишуды,—облекалась своею одеждою, а не чужою.

Еще менѣе можетъ быть оправдана примѣромъ Спасителя другая крайность, нынѣ входящая въ моду. Если наши старики ужъ слишкомъ часто и безъ нужды украшали свои проповѣди наборомъ библейскихъ текстовъ, то наши молодые проповѣдники совсѣмъ какъ будто хотятъ отрѣшиться отъ Библии, и рѣдко, рѣдко гдѣ приведутъ въ своей церковной бесѣдѣ библейскій текстъ. Слово Божіе—основаніе нашей вѣры и должно быть основаніемъ нашей проповѣди. Текстъ Библии, какъ доказательство или поясненіе нашего церковнаго ученія, можетъ и долженъ стоять въ проповѣди на самомъ красномъ мѣстѣ. Между тѣмъ у насъ появляются проповѣдники, которые какъ будто боятся или стыдятся проронить какойнибудь текстъ, и если дадутъ иногда ему мѣсто, то въ какомъ либо незамѣтномъ углу проповѣди, и когда произнесутъ его, то пожалуй готовы покраснѣть при этомъ, какъ будто отъ какой допущенной ими неловкости. вмѣсто того, чтобы текстомъ повѣрять себя и свое слово и утверждать это слово предъ слушателями, новые ораторы напротивъ библейскій текстъ хотятъ оправдать и согласить съ современными рациональными воззрѣніями. Такимъ образомъ вмѣсто благо-

говѣнія къ слову Божію является снисхожденіе къ нему; вмѣсто любви къ нему—стыдливая боязнь уронить ссылкой на него предъ избалованнымъ современнымъ слухомъ гуманную само-надѣянную рациональную мысль. Конечно, это ни съ чѣмъ уже не сообразно и ничѣмъ не можетъ быть извинено со стороны проповѣдника! Обстоятельства, побуждающія многихъ проповѣдниковъ чуждаться текстовъ въ своихъ бесѣдахъ, заключаются въ преобладаніи рациональнаго направленія въ нашей современности, для которой слово Библіи утратило свое прежнее всепобѣждающее значеніе и которая въ лицѣ большинства людей, помазанныхъ наукою, цѣнитъ больше естественныя и рациональныя соображенія, чѣмъ авторитетъ и свидѣтельство откровенія. Невольно этому направленію платятъ дань и многіе служители церковнаго слова. А другіе нарочито поддѣлываются подъ вкусъ и тактъ современности, и въ угоду ей обходятъ тексты въ своей проповѣди, ссылаясь на то, что эти тексты не придадутъ силы и убѣдительности проповѣдному слову въ глазахъ образованныхъ современниковъ. По здѣсь и раболѣпство и ошибка со стороны пастыря. Пастырь-проповѣдникъ не подчиняться долженъ дурному направленію мысли или жизни, если видитъ его кругомъ себя. Если Библія унижена въ глазахъ современности, если ея достоинство попирается ногами со стороны надмѣннаго естественнаго просвѣщенія, чей долгъ поднять и возвысить ея значеніе и авторитетъ? Не обязанъ ли тогда пастырь-проповѣдникъ съ особенною настойчивостію обращать вниманіе своихъ слушателей къ богооткровенному слову, и всѣми способами разбивать ихъ неизвинительное пренебреженіе къ источнику нашего истиннаго знанія, нашей вѣры и чистаго пониманія нравственнаго закона?

VIII. Не излишне отмѣтить въ бесѣдахъ Спасителя и

другія проявленія божественной силы и мудрости. Примѣръ небеснаго Учителя освящаль собою всё благородныя средства, какими человѣческое искусство старается возвышать и усиливать дѣйствіе учительной рѣчи. Только эти средства не были у Него нарочитымъ предметомъ особенной заботливости, а проявлялись въ Его рѣчи, какъ необходимое и невольное отраженіе Его великой и возвышенной души, совмѣщавшей все богатство и все благородство разумной человѣческой природы, и освѣщавшей это богатство и благородство сіяніемъ своего божественнаго существа.

Многіе удивляются въ историческихъ дѣятеляхъ слова побѣдоносной силлогистикѣ; многіе ораторы прибѣгаютъ къ діалектикѣ, чтобы довести своихъ слушателей до убѣжденія въ излагаемой ими истинѣ. Въ рѣчахъ церковнаго оратора должна говорить за себя святая истина, а не извороженная діалектика. Но если обстоятельства вызываютъ его къ діалектическимъ препирательствамъ, гдѣ найдетъ онъ для себя лучшей и болѣе близкій образецъ, какъ не въ евангельскихъ бесѣдахъ Спасителя? Еще на двѣнадцатомъ году своего возраста Господь Иисусъ Христосъ пріятно изумилъ фарисеевъ и книжниковъ іудейскихъ своими вопросами и возраженіями, и мудростію своихъ отвѣтовъ на чужіе вопросы и возраженія. Послѣ этимъ книжникамъ, привѣтствовавшимъ явленіе необыкновеннаго разума въ двѣнадцатилѣтнемъ отрокѣ, не разъ приходилось испытывать на себѣ поражающую силу побѣдоноснаго слова, когда этотъ отрокъ явился въ качествѣ общественаго учителя. Такъ однажды всё партіи сговорились употребить всё способы, чтобы привести въ замѣшательство божественнаго Учителя, овладѣвшаго умами народа, и тѣмъ уронить Его въ глазахъ всѣхъ іудеевъ. Но эти замыслы оболъстать Спасителя словомъ обратились къ нисраменію злоумышлявшихъ противъ Него, и показали бѣдность

и жалкую слабость ученой логики всѣхъ представителей іудейскаго образованія предъ мудростію Спасителя, безъ напряженія отражавшею всѣ нападенія. Первосвященники и старѣйшины народа видятъ, что Онъ пришелъ въ храмъ и началъ учить народъ, подходятъ къ Нему, и спрашиваютъ Его: какою властію Ты это дѣлаешь? И кто Тебѣ далъ такую власть? Господь Иисусъ Христосъ сказалъ въ отвѣтъ вопрошавшимъ Его первосвященникамъ и старѣйщинамъ: *вопрошу вы и Азъ слово едино: еже аще речете Мнѣ, и Азъ вамъ реку, кою властію сія творю. Крещеніе Иоанново откуда бѣ? Съ небесъ ли, или отъ человекъ* (Матѣ. XXI, 24. 25)? Такой вопросъ былъ совершенною неожиданностію для архіерсевъ и старѣйшинъ народа; онъ привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство, и они не знали, что отвѣчать Тому, надъ гѣмъ хотѣли уже торжествовать побѣду. Они разсуждали между собою: если скажемъ: съ небесъ; то Онъ скажетъ намъ: почему же вы не повѣрили ему? А если сказать: отъ людей,—боимся народа; ибо почитаютъ Иоанна за пророка. И сказали въ отвѣтъ Иисусу: не знаемъ. Тогда сказалъ имъ и Спаситель: *ни Азъ вамъ глаголю, кою властію сія творю* (Матѣ. XXI, 27). Затѣмъ враги Спасителя должны были выслушать отъ Него три притчи, довольно ясно и сильно обличавшія ихъ недостойнство. Но они все еще не хотятъ отстать отъ своего намѣренія уловить Его въ словѣ: напротивъ неудача только раздражаетъ ихъ и усиливаетъ ихъ злобное лукавство. И вотъ фарисеи посылаютъ къ Спасителю учениковъ своихъ съ иродіанами, и эти говорятъ Ему: *Учитель! мы знаемъ, что Ты справедливъ и истинно пути Божію учиши, и не заботишься объ угожденіи кому либо; ибо не смотриши ни на какое лице. Итакъ скажи намъ: какъ Тебѣ кажется? Позволительно ли давать подать кесарю, или нѣтъ?* Похвала, съ какой начали рѣчь свою подушечные фарисеи и совопросники, не была

съ ихъ стороны словомъ чистосердечнаго признанія. Она расчитана на то, чтобы затруднить и сдѣлать безвыходнымъ положеніе Учителя истины. Народъ іудейскій во времена Спасителя тяготился чужеземнымъ игомъ и данью римскому кесарю; неразумные угодники его внушали ему, что у него одинъ истинный царь—это Богъ, и что кто платитъ дань римскому кесарю, тотъ чрезъ это оказывается какъ бы измѣнникомъ Богу. И неразумный народъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія ¹⁾, охотно вѣрилъ безумнымъ наговорамъ: потому что легко вѣрится въ то, чего хочется человѣку. Казалось, что божественному Учителю нельзя было выдти съ побѣдою изъ затруднительнаго положенія: такъ по крайней мѣрѣ думали самонадѣянные фарисеи. Они рѣшили въ умѣ своемъ, что на ихъ вопросъ можно отвѣчать или прямымъ отрицаніемъ или прямымъ утвержденіемъ. Но въ первомъ случаѣ они объявили бы Его бунтовщикомъ, внушающимъ народу неповиновеніе власти; а во второмъ случаѣ они выставили бы Его противникомъ свободы и самостоятельности народа и указали бы на Его безучастіе къ народнымъ страданіямъ и желаніямъ. Что же дѣлаетъ Господь Иисусъ Христосъ въ такихъ обстоятельствахъ? Всѣмъ извѣстенъ Его отвѣтъ на лукавый вопросъ. *Что мя искушаете, лицемеры* (сказалъ Онъ, замѣтивъ лукавство своихъ совопросниковъ)? *Покажите Ми златицу кинсонную. Они же принесоша Ему тнлязь. И глагола имъ: чій образъ сей и написаніе? И глаголаша ему: кесаревъ. Тогда глагола имъ: воздадите убо кесарева кесареви, и Божія Божии* (Матѳ. XXII, 16—22). Подступаютъ далѣе къ Господу саддукеи съ лукавымъ возраженіемъ противъ истины воскресенія мертвыхъ. Они приводятъ Ему на память законъ Моисея, по которому братъ долженъ былъ возстановить сѣмя

умершему бездѣтно брату, и представляютъ вѣроятно вымышленный случай,—будто было семь братьевъ, и старшій изъ нихъ, умирая бездѣтнымъ, оставилъ жену свою другому, другой третьему, и т. д. до седмаго: послѣ всѣхъ умерла жена,—затѣмъ спрашиваютъ Учителя: *чью женою будетъ она по воскресеніи? Господь отвѣчаетъ имъ: прельщаетеся, не видуще писанія, ни силы Божія: въ воскресеніе бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангелы Божіи на небеси суть. О воскресеніи же мертвыхъ нѣсте ли чии реченнаго вамъ Богомъ, глаголющимъ: Азъ есмь Богъ Авраамовъ, и Богъ Исааковъ, и Богъ Иаковъ? Нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Матѳ. XXII, 29—32). Саддукеи послѣ этого отошли отъ Господа посрамленные, и народъ дивился силѣ слова Христова. Но и послѣ этого нашелся одинъ законникъ, который рѣшился искутить божественнаго Учителя. Онъ спрашиваетъ Спасителя: *какая самая большая заповѣдь въ законѣ,—и получаетъ въ отвѣтъ указаніе на заповѣдь о любви къ Богу и о любви къ ближнему* (Матѳ. XXII, 35—41). Допустивъ своихъ противниковъ искушать Себя словомъ, и безъ труда отразивъ всѣ ихъ нападенія, Господь благоволилъ Самъ предложить имъ на рѣшеніе одинъ вопросъ. Онъ сказалъ имъ: *что вамъ мнится о Христвѣ? Чій есть сынъ?* Они отвѣчали Ему: *Давидовъ*. Но Господь говоритъ имъ: *како убо Давидъ духомъ Господа его нарицаетъ..? ..Аще убо Давидъ нарицаетъ его Господа, како сынъ ему есть?.. И никтоже* (замѣчать евангелистъ) *можаше отвѣщати ему словесе: ниже смѣяше кто отъ того дне вопросити Его* (Матѳ. XXII, 42—46).

IX. Если кто ищетъ силы и трогательности въ словѣ, если кто самъ хочетъ научиться говорить сильно отъ сердца,—пусть читаетъ обличительную рѣчь Господа фарисеемъ (Матѳ. XXIII) или послѣднюю бесѣду Его съ учителями (Іоан. XIV.

XV, XVI, XVII). Та и другая донинѣ производитъ на слушателей или читателей поражающее впечатлѣніе, и всегда способна настраивать человѣка съ душою на особенный тонъ благоговѣйнаго умиленія, и только развѣ безчувственный или грубый въ религіозно-нравственномъ отношеніи человѣкъ можетъ сохранять спокойное равнодушіе, когда раздаются предъ его слухомъ сильныя и трогательныя слова, отражающія въ себѣ бѣненіе и волненія возвышенно-божественнаго сердца.

Мягкостію любви всегда отмѣчено было слово Господа и Спасителя нашего. Когда Онъ, ведя людей по пути исправленія къ нравственному совершенству, встрѣчалъ въ нихъ слабости и невольныя ошибки, снисходительностію было проникнуто Его обличеніе. Часто прикровенные образы притчи умягчали ту рѣзкость и боль, какая неразлучна съ правдою обличенія. Но если не дѣйствовали кроткія и снисходительныя увѣщанія, если противъ нихъ выступали съ ожесточеніемъ законсѣлой въ упорствѣ души, тогда мягкая снисходительность уступала мѣсто грозному величію строгой правды. Для труднаго дѣла обличенія, неизбѣжно предстоящаго проповѣднику на поприщѣ его служенія, мы имѣемъ въ рѣчахъ Спасителя образцы всѣхъ возможныхъ родовъ и степеней. Обличительная рѣчь фарисеевъ служитъ высшимъ образцомъ самаго сильнаго обличенія, какое только являлось въ формѣ человѣческаго слова.

Всѣмъ извѣстна эта рѣчь. Учители народа, считавшіе себя высшими представителями религіознаго сознанія и религіозной жизни въ избранномъ племени, вызвали это грозно-величественное слово. Предъ божественнымъ, возвышеннымъ взоромъ Спасителя вполне открыта вся жалкая ничтожность этихъ слѣпыхъ, но гордыхъ вождей народа: за учительскою самонадѣянною ихъ властію Онъ видѣлъ всю мѣлкость и густоту ихъ взгляда на существованіишіе вопросы жизни и

существеннѣйшія требованія закона. Слава въ народѣ, снисканная ими ихъ внѣшнимъ благочестіемъ, не скрывала отъ Него ихъ внутренняго безобразія и мертвеннаго бездушія. Скорбѣлъ Онъ о ихъ слѣпотѣ и бѣдствіи народа, вѣреннаго ихъ водительство. Не разъ пытался Онъ поднять ихъ отъ той тины, въ какой они вращались сами, и въ какой хотѣли держать народъ. Но не было отклика на этотъ благодѣтельный и спасительный зовъ. Напротивъ ожесточеніе вымышляло разныя средства, чтобы погубить Учителя, мѣшавшаго ихъ нравственной дремотѣ. Оставалось послѣднее средство, которымъ можно было воспользоваться, чтобы вывести людей изъ нравственной дремоты,—и къ нему обратился Господь нашъ, когда злоба мелкихъ, но гордыхъ враговъ Учителя благодати испробовала всѣ хитрыя махинаціи, чтобы уронить Его авторитетъ предъ народомъ и показать предъ всѣми силу своего ума и знанія. Скорбію и негодованіемъ исполняется божественная душа, при видѣ этой злобы, этой мѣлочности и ничтожности враговъ истины, слывущихъ у народа великими праведниками и глубокими знатоками закона. Потрясенная душа начинаетъ разоблачать мнимое величіе и внѣшнюю красоту этихъ гробовъ повапленныхъ, и грозными волнами, напоминающимъ устрашающую бурю, течетъ праведное слово силы изъ возбужденнаго сердца. Когда вы слышите: *горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемери*, повторенное нѣсколько разъ предъ каждымъ частнымъ обличеніемъ,—предъ вами представляется божественное величіе небснаго Учителя, съ глубокою скорбію на лицѣ и праведнымъ негодованіемъ во взорѣ,—и не только слухъ, вапа душа всецѣло поражается этими равномѣрными волненіями рѣчи, которая соединяетъ и раздѣляетъ одно грозное, часто повторяемое слово: *горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемери*. Волненія души, раскрывшейся такимъ

вызываютъ настроеніе, соответствующее общему тону, проходящему по всей рѣчи. Съ каждымъ новымъ словомъ, съ каждымъ новымъ обличеніемъ усиливается напряженіе и волненіе слушателя, и оно достигаетъ высшей степени, когда Господь, окончивши рѣчь о пустотѣ и ничтожности слѣпыхъ вождей Израиля и объ ихъ жалкомъ самообольщеніи, на минуту умолкаетъ, и потомъ, болѣе обыкновеннаго возвышая голосъ, произноситъ грозно-величественное и вмѣстѣ трогательно-умилительное заключительное слово: *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки, и каменіемъ побивавый посланныя къ тебѣ! Колькраты восхотѣхъ собрать чада твоя, якоже собираетъ кокошь птенцы своя подъ крыль, и не восхотѣсте? Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѣ. XXIII, 37. 38)...

Мы боимся дѣлать какія либо примѣненія и выводы для нашей обыденной практики изъ этой строго-обличительной рѣчи Спасителя. На ней лежитъ печать божественнаго имени и божественнаго властительства, по которой она представляетъ изъ себя неподражаемое проявленіе силы выше-человѣческой.

Но и въ предѣлахъ человѣческой власти и пастырскаго полномочія желательна иногда потрясающая сила обличенія. Конечно, не вдругъ, не при первомъ приступленіи къ исправленію порочныхъ церковныхъ обличитель настроить на строгій и грозный тонъ свою рѣчь: духъ любви и кротости долженъ руководить имъ на всѣхъ путяхъ его служенія, и онъ долженъ подсказывать ему, что и какъ онъ долженъ говорить съ людьми, ввѣренными его нравственному водительству. И только послѣ истощанія словъ кроткаго наставленія, при видѣ ожесточенія порока, или при неисправимой слѣпотѣ самообольщенія умѣстно и согласно съ духомъ любви потрясти упорство и попытаться строгостію спасти невнимательныхъ отъ гибели. Такой примѣръ указанъ намъ по крайней мѣрѣ Господомъ, котораго любовь долго терпѣла фарисейской гор-

дости, ихъ нравственному ничтожеству и веденію народа не на спасеніе, а на погибель, и только въ концѣ земнаго служенія Его, послѣ истощанія кроткихъ мѣръ къ ихъ исправленію, обращалась, для возбужденія усыпленныхъ, къ бичу строгаго и грознаго обличительнаго слова.

Потрясающей силѣ обличительнаго слова, когда она требуется въ церковной рѣчи, нельзя научиться технически изъ какихъ либо формальныхъ правилъ и голословныхъ указаній. Здѣсь немного значить и примѣръ, къ которому могъ бы обратиться за подражаніемъ учитель церкви. Патетика— слово сердца, и исходитъ только изъ сердца, и всегда слѣдуетъ его движеніямъ и волненіямъ. Нужно имѣть широкое и глубокое сердце, нужно воспламенить его ревностію ко славѣ Божіей и любовію къ человѣчеству, готовою на самопожертвованія, чтобы ваше слово было способно разливаться сильными топами, потрясающими до глубины души слушателей.

И въ другихъ случаяхъ, когда учителю вѣры нужно не обличать, а утѣшать и наставлять, всерѣзняющимъ условіемъ дѣйственности слова является внутренняя сила и теплота благоговѣйной и любвеобильной души. Скорбное сердце нигдѣ не найдетъ столько благодатной отрады и успокоенія, сколько даетъ ихъ послѣдняя прощальная бесѣда Спасителя съ учениками. Эта бесѣда полна трогательной силы утѣшенія именно потому, что въ ней вѣетъ и дышетъ та жизнь, которая исходила изъ святыни божественнаго сердца Христова,— потому что въ нее перелилась безконечная любовь Спасителя къ тѣмъ людямъ, за которыхъ Онъ во время бесѣды готовился пострадать на крестѣ, и въ особенности къ тѣмъ приснымъ своимъ, которые все для Него оставили и всё надежды на Него возложили, и которыхъ между тѣмъ послѣ Его смерти ожидали страданія и гоненія. Мы не будемъ подвергать это

Полное собрание трудовъ Киевской Духовной Академіи. Изданъ въ 1880 году. —

бору, какому подлежатъ слова и произведенія челоѣческія (оно извѣстно всякому вѣрующему во Христа, и сто кратъ должно быть прочувствовано благочестивою душею), но не можемъ не указать на то умилительно-торжественное заключеніе, какимъ закончилъ Господь свою послѣднюю бесѣду, и вмѣстѣ съ этимъ свое учительское служеніе. При видѣ наступившей кончины своей, Господь Іисусъ Христосъ своимъ ученикамъ, которыхъ называетъ то «чадца», то «други мои», твердымъ, спокойнымъ, но глубоко задушевнымъ тономъ сообщаетъ полноту святаго ученія, открываетъ ожидающія ихъ ненависть міра и преслѣдованія со стороны невѣрія, и обѣтованіемъ высшихъ небесныхъ утѣшеній хочетъ дать силу и бодрость не смущаться сердцемъ и не утрашиться, но съ вѣрою въ Бога, съ вѣрою въ Него, Единороднаго Сына, составляющаго едино со Отцемъ, готовится къ труднымъ дѣламъ, какія предлежатъ имъ на пути ихъ призванія. И лишь только кончились эти слова наставленія и утѣшенія, умилившія учениковъ, Господь возводитъ очи свои на небо, и въ присутствіи умиленныхъ учениковъ обращается съ молитвою къ Отцу небесному, и этою молитвою къ Отцу, пламенною, возвышенною и всесильною молитвою Богочеловѣка, утверждаетъ предъ небомъ и землею силу того слова, которое должно было отогнать всякое смущеніе отъ неутвердившагося еще сердца учениковъ Христовыхъ. Эта молитва является прямымъ, непосредственнымъ и естественнымъ продолженіемъ прежней назидательно-утѣшительной рѣчи. Ея содержаніе и ея возвышенный, торжественно-умилительный тонъ вполне подготовленъ складомъ, духомъ и теченіемъ всей предыдущей прощальной бесѣды, и молитва служитъ послѣднимъ и высшимъ проявленіемъ того умиленія и той любви, каковыми дышетъ вся эта бесѣда. Въ ней Богочеловѣкъ проситъ Отца прославлять имя Его и воздавать за Него, и проситъ Отца въ силу слова

Его учение и дѣла; въ ней Онъ молить Отца о тѣхъ, которыхъ Онъ далъ Ему, и о вѣрующихъ въ Него *словесе ихъ ради*, молить, *да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тии азъ насъ едино будутъ: да и миръ въру иметъ, яко Ты Мя послалъ еси*» (Иоан. XVII, 20—22).... Такая молитва въ томъ состояніи, въ какомъ находилась душа Богочеловѣка въ минуты послѣдней бесѣды Его съ учениками, Имъ оставляемыми, была естественною потребностію: утѣшительное слово Его въ то время само собою по прямому теченію чувствъ, Его наполнявшихъ, обратилось въ молитвенное воззваніе къ Отцу небесному, и тутъ-то открылось въ немъ все необычайное величіе божественнаго Учителя, предъ которымъ въ благоговѣйномъ молчаніи должны были преклониться малыя и слабыя передъ нимъ сердца человѣческія. Кто можетъ представить болѣе торжественное, болѣе умиленное, болѣе дѣйственное и сильное завершеніе наставительной бесѣды, чѣмъ какое мы видимъ въ священнодѣйственной молитвѣ, закончившей собою глаголы живота вѣчнаго, раздававшіеся предъ человѣческимъ слухомъ во время Его земнаго учительскаго служенія человѣчеству?

И наши проповѣдники иногда переходятъ въ молитвенный тонъ, при изложеніи христіанскаго ученія или пастырскихъ увѣщаній народу. Школьные гомилетики формально рекомендуютъ готовящимся въ проповѣдники употреблять молитву въ заключеніи проповѣдей: по гомилетическимъ правиламъ молитва—самая приличная форма для достойнаго заключенія церковной рѣчи. Нѣтъ никакихъ основаній возставать противъ этого отвлеченнаго правила. Но сущность дѣла заставляетъ насъ замѣтить, во-первыхъ, что искусству молиться нельзя научиться изъ правилъ науки: молитва духовное дѣло, которое рѣшительно неудобно устроить по указанію внѣшней техники. Во-вторыхъ, въ проповѣдяхъ молитва

—самое трудное дѣло. У древнихъ отцовъ-проповѣдниковъ рѣдко она является среди или въ заключеніи поучительной рѣчи; обыкновеннымъ заключеніемъ у нихъ служитъ слово-словіе. Только у такихъ проповѣдниковъ, у которыхъ проповѣдь являлась не столько раскрытіемъ ученія, сколько изліяніемъ и выраженіемъ чувства (какъ на примѣръ у Ефрема Сирина и Епифанія), молитвенное обращеніе къ Богу прерываетъ волнующуюся рѣчь, своимъ характеромъ рѣзко отдѣляющуюся отъ логическаго спокойнаго изложенія. Конечно, молиться можно проповѣднику, но не всегда и не по закону гомиластики, а по требованію чувства,—не тогда, когда говорить въ насъ одинъ холодный разсудокъ, а когда мы пришли въ состояніе сердечнаго умиленія и довели до этого умиленія своихъ слушателей. Дальше, на церковной каедрѣ молиться нужно съ достоинствомъ и благоговѣніемъ. Предметъ молитвы долженъ быть достоинъ высокаго молитвеннаго одушевленія; самый составъ молитвы долженъ быть запечатлѣнъ словомъ священной важности, и въ немъ долженъ слышаться искренній тонъ умиленнаго, проникнутаго благоговѣніемъ, сердца. Голосъ произносящаго молитву долженъ возвыситься противъ обыкновеннаго тона рѣчи, и дать особенную выразительность молитвенному воззванію къ Богу; во всей внѣшности проповѣдника, въ особенности въ его лицѣ, должно быть соблюдено всевозможное благочестивое приличіе, которое бы показывало всѣмъ, что молитва не на устахъ только, но и въ сердцѣ, и прямо вытекла изъ сердца. Но въ наше время рѣдко можно слышать на церковной каедрѣ вполне достойную молитву. Наши проповѣдническія молитвы, когда вы слышите ихъ, большею частію состоятъ изъ общихъ мыслей и обыкновенно безцвѣтны и безсодержательны: такъ и видно, что онѣ какъ будто берутся изъ чуждаго запаса и являются просто въ удо-

прочимъ мѣсто и молитвѣ въ концѣ проповѣди. Кромѣ того, онѣ являются часто совершенно *ex abrupto*: проповѣдникъ по школьному разбираетъ какой либо предметъ; у него работаетъ одна сухая силлогистика, и нѣтъ никакого намека на живое движеніе чувства. Но вдругъ,—кончается развитіе намѣченныхъ мыслей, и изъ холоднаго, пожалуй безжизненнаго, тона проповѣдникъ переходитъ къ молитвѣ: слушателей поражаетъ въ этомъ случаѣ неожиданность новой рѣчи, но и самая молитва, заканчивающая разсудочный ходъ доказательства, обыкновенно малымъ чѣмъ, кромѣ внѣшняго обращенія, отличается отъ прежняго сухаго разсудочнаго изложенія. Это безразличіе между молитвою и простою разсудочною рѣчью, видное въ составѣ нашихъ проповѣдей, отражается и на произношеніи; и здѣсь вы не встрѣчаете особенной выразительности, силы и благоговѣнія, а большею частію ту же монотонность и вялость, какими вообще страдаетъ наша проповѣдническая декламация. Нужно бы возвысить голосъ, придать ему особенную энергію, когда проповѣдникъ рѣшается молитвеннымъ воззваніемъ закончить свое увѣщаніе народу: а тутъ именно ослабѣваетъ голосъ, и безъ энергій едва слышно произносятся такіа слова, которыя бы должны потрясти души слушателей и возбудить въ нихъ глубоко-внутреннее молитвенное движеніе. Лучше не дерзать пользоваться молитвою въ проповѣди, чѣмъ молиться безъ силы, чувства и достоинства.

X. Божественное достоинство небеснаго Учителя видно не только во внутреннемъ духѣ и характерѣ Его ученія; оно отражается и во внѣшности слова, въ тѣхъ второстепенныхъ условіяхъ его выраженія, на которыя многіе и не обращаютъ вниманія. Языкъ, напримѣръ, выраженіе мысли, повидному, простое и легкое дѣло, но не вслѣдъ въ одинаковой степени

дается его чистое, совершенное употребленіе. Въ этомъ отношеніи слово Господа, какъ оно донеслось до насъ въ евангеліи, является всесовершеннымъ образцомъ, къ которому возможно, большее или меньшее, приближеніе желательно отъ всѣхъ, въ особенности отъ проповѣдниковъ, долженствующихъ говорить языкомъ, достойнымъ своего мѣста и служенія. Смотрите же, наблюдайте теченіе рѣчи Спасителя: въ ней нѣтъ нигдѣ ни одного темнаго, неяснаго, не выразительнаго слова; не видно никакихъ искусственныхъ построеній. Съ простымъ народомъ, что слыветъ черпью у образованныхъ людей, говоритъ Онъ, и слово Его отличается такою простотою, такою естественностію и удобопонятностію выраженія, что такъ прямо и кладетъ мысль въ простыя непосредственныя души слушателей. Но при этой высшей степени простоты рѣчи, какое всюду въ ней благородство, какая изящная чистота, какая священная важность! Нигдѣ нѣтъ тѣни, по которой бы слово это казалось словомъ только къ простому народу, и не соотвѣтствовало самому образованному, самому чистому вкусу. Средствами и матеріалами языка, находившимися въ употребленіи у простаго народа, пользовался Спаситель при выраженіи своихъ мыслей; но Его чистая, небесная душа своимъ дыханіемъ отстраняла отсюда всѣ тѣ сорные неопытные элементы, какіе даютъ видъ простоватой неуклюжести языку черни, и дѣлала изъ простаго языка самое прозрачное, самое чистое и благородное средство въ выраженія. Какихъ бы предметовъ ни коснулась рѣчь Спасителя, — всегда она вѣрна себѣ, всегда осуществляетъ собою законы священной серьезности, чистоты и благородства: о тайнахъ природы случалось говорить Ему, и въ этомъ случаѣ съ какою скромностію, съ какою нравственною чистотою изображаются тѣ предметы, которые и у знаменитыхъ дѣятелей слова вынуждаютъ для своего изображенія то лишнюю чувственную черту, то какую

либо соблазнительную картину. Мы не умѣемъ дать надлежащаго тона изъясненію седмой заповѣди закона Божія,—то жеманится и натужимъ языкъ, то не блюдемъ своего слова отъ соблазна и чувственности. Въ Талмудѣ на этотъ предметъ есть такія выраженія, какихъ не снесетъ наше печатное слово. Но Господь сказалъ одно слово: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже возжелати ея, уже любодѣйства съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѣ. V, 28),—и выражена вся суть дѣла, и намъ указанъ тонъ, съ какимъ нужно говорить о дѣлѣ.

Служителямъ церковнаго слова не мѣшало бы чаще вспоминать эту простую, но священную и благородную рѣчь, какою говорилъ всегда нашъ Господь и Учитель. У насъ часто недостаетъ того золотого выраженія, которое требуется отъ проповѣдниковъ приличіемъ церковной кафедрѣ и священной важностію тѣхъ предметовъ, о какихъ должны говорить они. Когда мы хотимъ быть понятными для неученаго народа, мы переступаемъ мѣру простоты въ своихъ стараніяхъ говорить какъ можно ближе къ его разумѣнію, и наша неразборчивость допускаетъ въ этомъ случаѣ на церковную кафедру такія слова, которыя мало приличны кафедрѣ; мы пестримъ свою рѣчь неопрытными сравненіями,—и проповѣдническая бесѣда у ревнителей популярнаго слова не имѣетъ надлежащей чистоты выраженія. Но чаще бываетъ наоборотъ: воспитанные на школьныхъ преданіяхъ, мы мало думаемъ о томъ, чтобы насъ понимали наши слушатели, и на церковную кафедру, предъ слухъ народа, не искушеннаго школою, несемъ свой школьный языкъ, сухой и туманный, испещренный не понятою терминологіею. Въ нашей проповѣднической рѣчи такъ и кишатъ толпами отвлеченныя слова, озадачивающія простую голову: «основаніе, матерія, опредѣленіе, сущность, практика», — пожалуй еще (въ послѣднее время), «принципъ, результатъ, натурализмъ, теоретическій» и прочіе неудоборазумѣваемыя

глаголы. Но это сѣмена, занесенныя въ проповѣдь съ чужаго поля: противъ нихъ не трудно сѣискать противодѣйствіе въ кругу богослововъ. А самый богословскій языкъ всегда ли безупреченъ въ этомъ отношеніи? Не образовала ли школа и въ немъ множество техническихъ терминовъ, къ которымъ мы прислушались въ школѣ, но которые такъ же непонятны для человѣка, не знакомаго съ школьнымъ богословіемъ, какъ и иностранныя слова. Мы между тѣмъ безъ разбора сыплемъ ихъ въ проповѣдническій языкъ, выступая на бесѣду съ людьми непосредственной религіозной вѣры. Всякій ли слушатель понимаетъ, что значать на языкѣ богослововъ такія выраженія: «плоть, міръ, ветхій человѣкъ, новый человѣкъ, благодатное царство, возрожденіе, оправданіе чрезъ вѣру, быть во Христѣ, ходить въ духѣ, отвергнуться себя и мірскихъ похотей» и проч. и проч.? Но обходится ли хоть одна проповѣдь безъ этихъ терминовъ, которые намъ не кажутся странными только потому, что въ школѣ съ раннихъ лѣтъ мы сдружились и освоились съ ними?.. Такъ ли говорилъ съ народомъ Господь Иисусъ Христосъ?..

Желательно было бы поучиться изъ примѣра Господа и Спасителя нашего и внѣшнему проповѣдническому дѣйствованію, тому тѣлесному приличію, какимъ должна сопровождаться рѣчь проповѣдника. Но евангеліе не даетъ намъ на этотъ разъ подробныхъ указаній. Не одни предположенія заставляютъ насъ говорить, что весь внѣшній видъ Богочеловѣка, всё Его движенія были отпечаткомъ величія и спокойнаго самообладанія Его духа, выраженіемъ высокаго благочестія, священной серьезности, чистоты и возвышенности Его характера. Враги Его, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, подыскивали Его недостатки; но никто изъ нихъ не могъ указать ни одной тѣни въ этомъ пресвѣтломъ ликѣ. Искусство христіанское старается постигнуть красоту этого

пресвѣтлаго лика и приблизить его къ зрѣнію вѣрующаго благочестія. Мы поклоняемся этому образу, какъ передаетъ намъ его церковь и искусство. Но на иконѣ мы видимъ пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, но не видимъ Его движеній, Его мины и выраженія Его очей, не видимъ Его такимъ, какимъ Онъ являлся предъ слушателями, какъ Учитель. При различныхъ обстоятельствахъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ положеніяхъ говорилъ Спаситель свои рѣчи,—то возлежа, то сидя, то стоя: на этотъ разъ у Него не могло быть единообразной манеры, по различію мѣстныхъ условій, при какихъ открывалась Его бесѣда. Наши иконы, когда представляютъ учащимъ Господа Иисуса Христа, рисуютъ Его съ поднятою вверхъ рукою. Въ такомъ представленіи есть доля исторической вѣроятности. Во времена Спасителя у іудеевъ въ синагогахъ былъ обычай, по которому, если кто желалъ учить народъ и изъяснять законъ, вставалъ и мановеніемъ или движеніемъ руки приглашалъ присутствующихъ къ слушанію рѣчи. По сказанію Дѣяній Апостольскихъ, апостоль Павелъ, когда говорилъ съ іудеями, всегда говорилъ рѣчь, напередъ *помаавъ рукою* (XIII, 16; XXI, 40): этимъ мановеніемъ руки давалось знать, чтобы притихло собраніе и со вниманіемъ обратилось къ говорящему. Послѣ такого знака обыкновенно наступала въ собраніи глубокая тишина, позволявшая слышать каждое слово говорящаго (Дѣян. XXI, 40). Естественно предположить, что и Спаситель при своихъ бесѣдахъ съ народомъ подобнымъ возвышеніемъ и движеніемъ руки приглашалъ окружающихъ къ внимательному слушанію рѣчи. Но при этомъ, конечно, нельзя допускать того, чтобы такой жестъ сопровождалъ все теченіе рѣчи: это было бы и не удобно, да и прямо невозможно въ томъ случаѣ, когда Спаситель велъ бесѣду, возлежа по іудейскому восточному обычаю. Если какия-либо черты вышннго дѣйствования Спасителя

указаны евангелистами при передачѣ Его ученія, то это возведеніе очей (Іоан. XVII, 1), задумчивый взглядъ, и въ одномъ исключительномъ случаѣ писаніе перстомъ на землѣ (Іоан. VIII, 6, 8). По этимъ даннымъ мы можемъ заключать, что у Господа и Спасителя нашего, когда слово Его выражало святыхъ мысли, только благороднѣйшее и выразительнѣйшее изъ внѣшнихъ чувствъ человѣческихъ отпечатлѣвало на себѣ движенія Его души, и что Его благоговѣніе допускало къ служенію учительнаго слова только самыя скромныя, не бросающіяся въ глаза, движенія тѣла. Если мы замѣчаемъ, что проповѣдникъ не можетъ стоять спокойно на кафедрѣ, кривляется, машетъ руками, бьетъ себя въ грудь и прибѣгаетъ къ другимъ подобнымъ насильственнымъ жестахъ, то въ этомъ должны видѣть не законное и не приличное уклоненіе отъ того образца, какой начертанъ намъ въ евангеліи. Не для церковной кафедры такія драматическія замашки, рассчитанныя на эффектъ, и не Господу Іисусу Христу подражаютъ такіе проповѣдники, а служителямъ свѣтскаго искусства. Чѣмъ скромнѣе и благоговѣннѣе будетъ внѣшній видъ человѣка на церковной кафедрѣ, тѣмъ болѣе въ свосмъ внѣшнемъ приличіи онъ будетъ приближаться къ тому идеалу, какой всегда долженъ быть предъ глазами пастыря-учителя церкви Христовой.

В. Пшоникій.